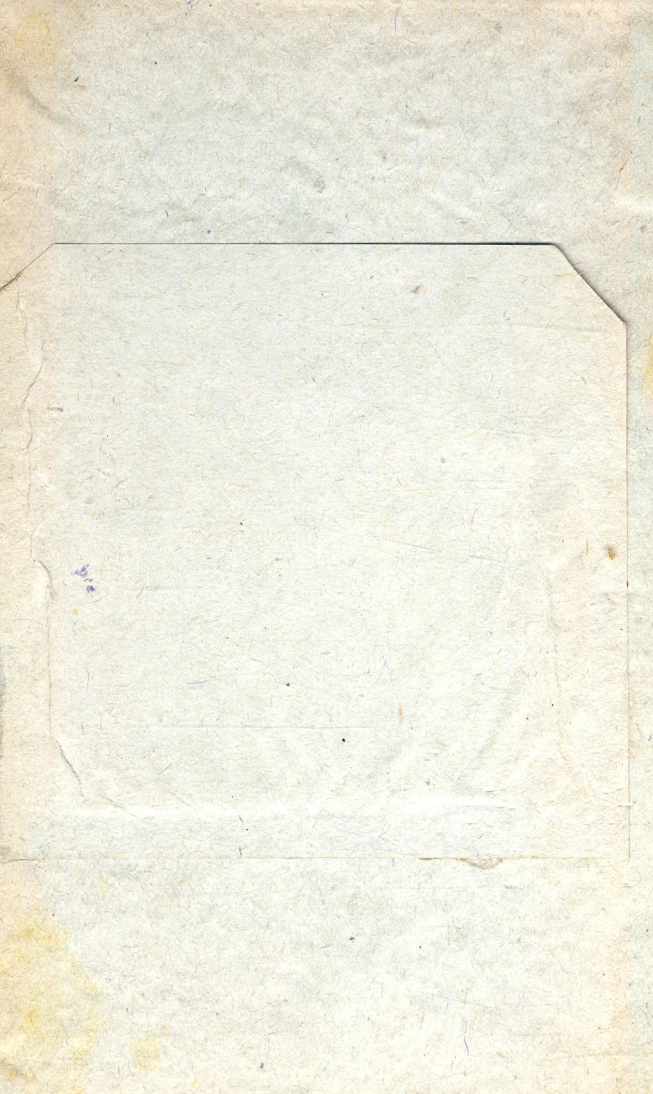

МЕЛОЧИ НИ

БИБЛИОТЕКА
ИЗДАТЕЛЬСТВА
СОВЕТСКОГО
№ 1000

2200

06 10

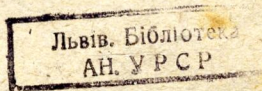
89r
3-923

И. ЗУДИН. К. МАЛЬКОВСКИЙ. П. ШАЛАШОВ

МЕЛОЧИ
ЖИЗНИ

3620

4361-194

891.71-3 Ю74(2)7

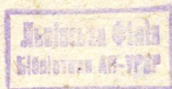
424163

3из

ЧИТАТЕЛЫ

Отзыв об этой книге пошли
по адресу: Москва, Ильинка 3,
Госиздат, в редакцию журнала
„Книга и революция“

~~336384~~

Ленинградский Областлит № 28308.
31/8 л. Тираж 6000. (А, 13. 12636/Пр.)

«Мы иногда пальцем о палец не можем ударить, чтобы исправить мелочи, от которых многое зависит».

Н. Бухарин.

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Обычно отрицательные стороны нашего быта ассоциируются только с пьянством, хамским отношением к женщине, хулиганством, половой распущенностью. Правильно ли это? Нет, тысячи раз нет. Быт складывается еще из необъятного числа различных мелочей — «мелочей жизни». — Эти мелочи давят на нас своим вековым авторитетом, диктуют наше поведение.

Громоздясь друг на друга они образуют собой ту надстройку, под тяжестью которой шатается современный человек.

Культурная, бытовая революция не соразмерна с революцией политической.

«Легче провести десять политических революций — чем одну бытовую».

Многие бытовые явления корнями своими уходят в прошлые не только десятилетия, но и века. Они несут на себе печать прошедших эпох и обладают особой косностью и застойностью. А отсюда — сила привычек — страшная сила (В. Ленин). Эти привычки — привычки миллионов откладываются на каждом из нас и цепко держатся за каждого, не выпуская из своего «заколдованного круга».

Если мы будем смотреть в «корень» наших бытовых ненормальностей, то увидим, что пьянство, хулиганство и все прочие «отрыжки старого быта» являются лишь следствием «мелочей».

Неумение организовать свой отдых приводит рабочего парня к улице; плохое питание, грязное жилище, отсутствие волевой дисциплины — к физическому и нравственному упадку, к потере работоспособности.

— «Научите нас жить по-новому, по-настоящему» — несется с рабочих окраин, и это требование находит свое отражение в том, что рабочий отказывается от посещения лекций на «общие темы» такие как: «Старый и новый быт», «Пьянство и хулиганство», а требует практических указаний «Как израсходовать свою зарплату», «Как организовать отдых», «Как дешево и гигиенично одеться».

И эти требования законны. Нужно раз навсегда отойти нашим культработникам и бытовикам от общих рассуждений — от «литья воды» к конкретным, мелочным вопросам.

Мы присутствовали на десятках лекций, бесед, диспутов, докладов, заседаний, конференций и нигде ни разу не слышали, чтоб вопрос о быте ставился в конкретной плоскости, чтобы говорили о мелочах жизни и изыскивали средства для *новой организации* этих мелочей.

Только культпоход комсомола, более или менее, вплотную подводит нас к этим вопросам.

Через организацию чайных, борьбу за общежитие, смотр столовых, организацию антиалко-

гольных кампаний, демонстрации против пьяниц и т. д. мы подбираемся медленно, неуверенно к первым этажам нашего быта.

Перед нами трудная, кропотливая, повседневная работа, неблагоприятная по осуществляемым результатам, но богатая по конечным.

В этой работе мало внешнего блеска, она серенькая на вид, но для подлинного бытовика — общественника эта работа обязательна. На эту работу должны быть мобилизованы все наши силы, все силы советской общественности.

Вместо резолюций — деловая работа с самокритикой, проверкой своих рядов, объективным учетом побед и поражений.

Нелепым «прожектам», предлагающим: «немедленно, без остатка, навсегда абортить старый быт», не должно быть места. Ведь договорились же некоторые «умники» до необходимости издания циркуляра о поведении для рабочей молодежи.

Этот циркуляр, наверное, имел бы примерно такой вид: «за $1\frac{1}{2}$ километра от магазинов Госспирта переходить на другую сторону» или «если девушка осталась с тобой наедине, то кричи: «караул» и бей стекла в пожарных сигналах».

Смешно? Смешно, и... не серьезно. Этим циркуляром не превратишь ребят в пай-мальчиков, а девчат — в пай-девочек.

Нужна серьезная, повторяем, кропотливая работа не над эффектными и ходкими вопросами, вроде пьянства, чубаровщины, кореньковщины и альтшуллеровщины, на которых, к сожалению, очень часто специализируются наши бытовики, порой вызывая нездоровые настроения у молодежи, а над бытовыми мелочами, настоящими запросами рабочих.

Эти запросы часто остаются без ответа. Близорукость мешает нам видеть дальше своего носа, и если парень не пьет, не дебоширит и не поставляет пациенток в частные лечебницы, то ему часто с профессорской серьезностью ставится диагноз: симптомов старого быта не обнаружено.

А такая мелочь — как он живет дома, как обедает, как спит, проводит время и пр. и пр. ... это нас очень часто в малой степени касается — очень мало интересует. — Это мол его личное дело.

Ни одна мелочь не должна считаться мелочью, которая лежит вне сферы нашего влияния. Таких «мелочей» не должно быть. Из этих мелочей составляется «быт».

Сонливое, обломовское отношение к этим «мелким» недостаткам есть чума, которую мы должны раздавить и уничтожить. Тот не коммунист, кто относится к этим вопросам «спустя рукава»!

Нельзя говорить о культурной революции, о переделке человека — без уничтожения мелочей.

Каждый из нас — все вместе — должны с большой критикой относиться к самому себе, ежедневно проверяя свои действия, свои дела.

Мало иметь внешне культурный вид. Мало не напиваться пьяным. Мало ратовать за создание новой семьи.

А как дела с мытьем в бане? Ежедневно ли чистишь зубы? Бросил ли пить совсем? Товарищ ли тебе жена?

Вот мелочи нашей жизни, без которых нельзя говорить о высоких материях — говорить о культурной революции.

«Сухой бы я корочкой пита-
лась»...

(Из песни.)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О „ШАМОВКЕ“

Маленького роста, сгорбившись—старикашка. Оглядываясь, входит во двор — неся перед собою шарманку. По двору, в раскрытые окна, полилось хрипло, нудно —

Сухой бы я корочкой питалась —
Холодну воду бы пила...

Часто мы слышим эту же песню иначе. Распевает ее наша рабочая молодежь и эти звуки несутся по улицам, по аллеям рабочей окраины. Часто мы слышим ее, порой не подозревая, что эта песенка в известной степени соответствует действительности.

До сих пор наша молодежь уделяет чрезвычайно мало внимания вопросу своего питания.

«Лишь бы поесть... а как? Э, чепуха»... — пренебрежительно отмахиваются ребята, когда заходит разговор на эту тему. Нельзя скрывать, что некоторая, даже значительная часть рабочего молодняка, питается всухомятку, перебиваясь с хлеба на воду, а с воды на хлеб...

Изучение бюджета молодого рабочего красноречиво свидетельствует о том, что расход на питание занимает в нем крайне незначительное место. Всего лишь 25% заработка тратится на еду, в то время как расходы на табак, алкоголь съедают чуть ли не половину.

Очень часто наш рабочий парень охотно тратит деньги на выпивку с приятелями, на папи-

росы, киношку, цирк, наконец, на «девчат», но на свое питание он крайне скуп. Мы, как общее правило, не умеем разумно расходовать нашу получку и до сих пор, к сожалению, мало обращаем внимания на эту «мелочь».

На наш вопрос нескольким секретарям комсомольских коллективов: «Все ли ребята твоего коллектива ежедневно обедают?» мы получили не точные, уклончивые ответы:

«Не знаю»...

«Не интересовался»... и, наконец, «спросите сами»...

И вот когда мы спросили ребят, то пришли к выводу, что комсомольские активисты до сих пор мало уделяют внимания этой «мелочи», стоящей иногда жизни некоторых ребят, жизни каждого из нас.

«Не наше, мол, дело»... Так ли? Не наше? Нет, наше, наше кровное дело. Мы умеем неплохо говорить «за каждого из нас зубы поломаем», а вот когда нам приходится сталкиваться с конкретными вопросами, с самой жизнью, то чаще всего от разговорчиков остаются лишь «ножки, да рожки». Нет, повторяем, вопросы питания, еда, это наше дело, имеющее не меньшее значение, чем культурно-воспитательная, политическая и пр. виды работы.

Посмотрим, как питается наша молодежь? Не-

большая экскурсия по фабрикам, заводам, столовым познакомить нас с этим вопросом.

Зайдите в обеденный перерыв на любой завод: Путиловский, фабрику «Скороход», ф-ку им. Халтурина и всюду бросится в глаза отсутствие горячей пищи. Значительная часть молодежи питается всухомятку.

Смахнув с верстака пыль, тут же по соседству с опилками, обрезками, инструментами рабочий любовно раскладывает ситный и ломтики чайной колбасы. Чайная колбаса пользуется громадной популярностью среди рабочих, хотя они хорошо знают о ее качестве.

«Осторожно ешь, а то, смотри, залает и за язык укусит», — часто слышатся шутливые намеки.

Но не только в своей мастерской, в цеху, но и даже сидя за столиком в кооперативной столовой, молодежь часто обедает всухомятку.

«Коммункой» вваливаются ребята, осторожно вынимают из карманов замасленных блуз завернутые в газету «завтраки», а официанту — «Стакан чаю и четыре блюдечка!» — это значит один стакан чаю на четверых, и, скупно запивая горячим, съедают черствую булку: дешево и сердито...

Все это заставляет призадуматься над вопросом. В чем же дело? Почему едят всухомятку?

Чем объяснить такой «обед» на пыльном рабочем верстаке?

Ответом нам может послужить следующая анкета:

«Почему я не обедаю в столовой?»

1. Столовая Нарпита далеко от завода (зав. им. Ленина).

2. Пища нам в термосах, как обещал Нарпит, не доставляется (строит. работы М.-Нрв. района).

3. В столовой, расположенной около нашего завода, большие очереди. Много времени уходит на ожидание (з-д Энгельса).

4. Обеды в кооперативной столовой невкусны (з-д «Знамя Труда»).

5. Однообразие в меню. Сегодня суп с вермишелью, а на завтра вермишель с супом (з-д Семашко).

6. Обеды не сытные. Ситный с колбасой сытнее (Спирто-водочн. з-д).

7. Обеды, для нашего брата фабзайченка, дорогие (Балтийский з-д).

8. Порционные блюда хорошие, но дорогие (ф-ка Володарского).

9. На заводе не ем. Спешу домой к ребенку. Обедаю очень часто всухомятку, т. к. в ЖАКТы горячая пища не доставляется (ф-ка Халтурина).

10. Из своего заработка приходится отсылать

часть отцу в деревню. На обеды не хватает. Горячую пищу ем редко (з-д Светлана).

11. Обед в столовой состряпан из несвежего мяса (з-д «Красный Товарищ»).

12. Если я буду ежедневно обедать в столовой, то не смогу одеться. А хуже остальных подруг я не хочу быть («Кр. Треугольник»).

Вот результаты произведенного нами обследования «почему я не обедаю в столовой». Много еще причин заставляет нашу молодежь питаться «как-нибудь» и «чем-нибудь». Чайная колбаса, ситный и прочая «гастрономия» еще диктаторствуют на рабочем столе.

Эти же ответы по нашей анкете поднимают ряд вопросов: от «питательности» Нарпита, до шелковых чулок и лакированных туфель включительно.

Значительный интерес представляет еще категория рабочей молодежи, которая ест «на-половину». «Одна порция на двоих», — часто слышим мы в рабочей столовой. Для здоровых молодых желудков недостаточность такой еды очевидна.

Короче говоря, на «обеденном фронте» не все обстоит благополучно в то время, как многое можно сделать без значительной затраты и коммерческого ущемления Нарпита. А кооперация? Разве нельзя, например, наладить доставку пищи на завод, в цеха и ЖАКТы в термосах? Более

того, даже отдельные группы абонентов должны были бы получать обед на квартиру, *прямо на стол*. Последнее мероприятие освободило бы нас от плиты, дало бы нам возможность посвящать больше времени отдыху, клубу, театру и другим культурным нуждам. Сколько работниц оторвано плитой от общественной жизни, сколько девушек лишено возможности учиться из-за кухонных горшков и кастрюль?

«Я хочу готовиться к поступлению на рабфак, но не могу. Вернувшись с работы, приходится растапливать плиту и готовить для себя и семьи», — сказала нам девушка-работница с макаронной фабрики.

«За примусом я провожу несколько часов в день», — заявила одна конторщица.

Примус, плита, кастрюли, горшки, сковородки и пр. кухонная рухлядь, — вот микробы старого быта, наши скрытые враги.

Затем, разве не может Нарпит и прочие кооперативные столовые, прибегнув к указанию врача, составить питательное, многокалорийное и в то же время разнообразное и дешевое меню? Конечно, может. Было бы совсем не плохо за счет соусов, разных гарниров и съестных «хитростей», которые придают неплохой *внешний* вид пище, дать рабочему дешевый и хороший обед.

Много писалось также об обедах в кредит.

Штанами, обувью мы кредитуем молодежь, а кредитование обедами еще не сдвинуто с мертвой точки.

Наконец, для малозарабатывающей части рабочего молодняка, учеников с низкой тарифной сеткой, фабзайчат и т. д. Нарпиту и кооперации (не преследуя коммерческих целей) следовало бы отпускать обеды по себестоимости. Здоровье молодежи стоит нарпитовского обеда!

* * *

Прогудел, извещая конец рабочего дня, гудок. Толпами рабочих запрудили улицы, прилегающие к заводу.

Быстро... Скорее домой пообедать.

Если взрослый рабочий, приходя домой, тщательно отмывает руки и только после этого садится за стол, то наш парень...

— Мама, собери-ка поскорей чего там есть «пошамать».

Быстро, не прожевав как следует пищу, проглатывает ее, держа в одной руке газету, а в другой ложку или вилку (хотя второе не всегда обязательно, и часто заменяется просто пальцами!). Прямо удивляешься, как это он мимо рта не пронесет. В глаз или в ухо...

Шамовка — это еда на скорую руку, что попало, как придется (лишь бы утолить голод),

Львовская областная библиотека
научная библиотека

№

2320

грязными руками, на развернутом листе газетной бумаги и т. п.

Мы против «шамовки», мы за изгнание ее из нашего быта. Необходима пропаганда культурной еды, на чистом столе, необходимо внедрение в наш обиход вилки, ножа, салфетки (вместо рукава) и мытья рук перед едой.

Наконец, о «технике» еды. Как есть! Как правильно принимать пищу!

На Западе существует особая наука о приеме пищи и пищеварения. В столовых там можно увидеть плакаты: «Не торопись, ешь медленно», «Хорошо пережеванная пища — залог правильного пищеварения». Конечно, быстрая еда, без пережевывания пищи плохо действует на всю пищеварительную систему, более того, укорачивает жизнь человека.

У нас же, помимо «лопай, что дают», мы слышим: «жри, как хочешь». Пропаганда правильной техники еды необходима. Нужны лекции, леклады, популярные статьи. Пока же их нет.

Не жрать, не лопать, не шамать, а питаться должна наша молодежь. Итак, за еду, против «шамовки».

В заключение, об «уюте» в наших столовых.

«В столовой очень грязно».

— «Правда и дома не лучше, но зато дома я

обедаю одна и гарантирована от заразы», — заявляет работница Пробочного завода.

Посетитель столовой кооператива «Выборгский рабочий» № 9 также жалуется на грязь, вонь и подметание пола во время еды. К сожалению, известная доля истины имеется в этих словах.

Продажа пива в некоторых столовых «бутылками и бокалами» накладывает на рабочую столовую «пивной» штамп.

Часто воздух пропитан тяжелым, дурманящим запахом алкоголя, скатерти пестрят желтыми пятнами. Со всех сторон слышится сочная матерщина.

В столовой завода «Марксист» рабочие нередко обедают даровым хлебом, но зато «мерзавчик» обязательно красуется на столе. В такой «столовой» часто безусый фабзайченок впервые познает «сладость» опьянения, часто вспрыскивает здесь получки, а ученик «угощает» мастера...

Достаточно и без того пивных на рабочей окраине, и мы должны протестовать против превращения наших рабочих столовых в пивные.

«В пивной стыдно пить, ну, а если напиться в столовой?» — задала вопрос лектору молодежь одной типографии.

Столовая занимает значительное место в нашем быту. А потому ей и ее рабочему посетителю

должно быть уделено значительное внимание. Грязные ложки, ржавые вилки, тупые ножи вызывают отвращение и раздражение у посетителя.

«Лучше получать меньше супа в чистой тарелке, чем полную помойную лохань», — говорят рабочие с «Электрика».

Просмотрите жалобные книги в наших столовых, и вы будете поражены обилием «лишних» предметов в блюдах. Создается впечатление, что и в столовых существует принудительный ассортимент в виде мочала, кусков дерева, муки, волос, лоскутьев тряпок, обгрызанных кусков хлеба... и всего, чего вы никогда не пробовали употреблять в пищу.

Во многих столовых ставят «для уюта» пальмы, цветные горшки на столах, а элементарные вещи отсутствуют. Очень редко вы встретите в столовой умывальник, а мыла и полотенца даже и не ищите.

Рабочие фабрики «Кр. Маяк» жалуются, что в столовой у них находится 4 громкоговорителя, а умывальников и полотенец нет. Также не хватает ложек, ножей, вилок и отсутствуют тарелки для хлеба.

Во многом, конечно, виноват и сам «потребитель». Об этом заявляют не только работники столовой, но откровенно признаются и сами посетители.

«В образцовой столовой на пр. 25 Октября по утрам царит чистота и порядок, но в обеденные часы она превращается в зверинец. Из-за столиков разыгрываются чуть ли не баталии, обгрызки хлеба, мяса, кости валяются на столах и на полу. Работники столовой не могут справиться со столь стремительным наплывом клиентов.

Создавая грязь, посетитель сам возмущается ею. «По-моему, каждый должен сам следить за собой, не пачкать, не грязнить, не создавать лишнюю работу для других», — заявляет работница близлежащей фабрики Ленинградодежды. Действительно, «пачкунов» среди нас много. Мы не научились еще уважать чужой труд, *привыкли, чтобы наши плевки кем-то подтирались.*

Перед кооперативной столовой стоит громадная задача в области продовольственного обслуживания рабочих масс. Она не только должна обслуживать посетителя, но еще и воспитывать его. Столовые должны стать культурными очагами, так же и клубы, и тогда не «столовка», а *столовая* займет почетное место в рабочем быту.

Неутомимыми рядами
В поход!
На фронт
своих квартир

Не то
Останутся словами
И новый быт
И новый мир.

А. Ж а р о в.

ИЗБУШКА НА КУРЬИХ НОЖКАХ

Попробуйте убедить даже самого маленького октябренька в том, что на свете существуют домовые, черти, дьяволы, ведьмы и прочая «нечисть». Он глубокомысленно пригрозит вам пальцем и безапелляционно заявит: «Не испугаешь, дяинька! Враки-с!»

И действительно, все эти сказочные персонажи давным-давно уже канули в область предания за исключением только лишь... «Избушки на курьих ножках»...

Небольшая экскурсия в комнату одинокого рабочего, в большинстве случаев в комнату молодого рабочего парня, подтвердит вам, что в нашем быту существуют еще «избушки на курьих ножках» со всеми присущими им атрибутами — плесенью, паутиной, грязью, тараканами, клопами и прочей «прелестью».

Мы поднимаемся с вами по мрачной, крутой и извилистой лестнице рабочего дома. 10-свечовая угольная лампочка, ввинченная в сетчатый футляр, тускло освещает все 4 этажа. Ежеминутно наталкиваемся на лужи, объедки пищи и следы наших четвероногих друзей.

Да не в обиду будет сказано ЖАКТа́м наших рабочих окраин, но с элементарной гигиеной они очень мало знакомы.

Часто доходы рабочих домов не только не меньше доходов центрального района, но и пре-

восходят последние, а разница в состоянии дворов, лестниц и пр. общественных мест поразительная. В большинстве домов городского центра мы видим ежедневно подметенные дворы, чистые лестницы, которые периодически моются, а на окраине — поразительная грязь, особенно на задних дворах.

Обитатели задних дворов — изгои, копошатся в собственной грязи.

В одном из таких задних дворов гигантского дома Московско-Нарвского района нам пришлось натолкнуться на следующую картину: у грязной, вонючей помойки, среди гниющих остатков тряпья, костей, посуды и еды группа беспортошных ребятишек забавлялась игрой сдохлой кошкой. Кошка перебрасывалась от одного к другому под веселые взвизги. Так порой на «втором» дворе, вдали от санитарного надзора, от рабковского карандаша и врачебного микроскопа растут наши дети.

Мы плетемся по длинному коридору, наталиваемся на густо наставленный хлам. Темно и требуется большая осторожность, чтоб не упасть. Стоит вам сделать один неосторожный шаг, и вы, споткнувшись о грязную швабру, летите на пол. Для неопытного человека коридор «комнатной» квартиры непроходимая девствен-

ная тайга, полная всяких неожиданностей и роковых случайностей.

О коридоре никто не заботится. То, что за пределами нашей собственной комнаты, нас не касается. Ключ в замочной скважине, отделяя нас от всего остального мира, создает свой собственный маленький «мирок».

При входе в комнату вам в голову ударяет затхлый запах человеческого смрада и испарений, ибо форточка открывается очень редко. Если же в комнате имеется вентилятор (что еще редко встречается на окраине), то и он быстро покрывается паутиной.

В одной комнате мы обратили внимание на то, что форточка была заклеена бумагой. На наш вопрос «А разве вы не открываете окно и форточку?» последовал ответ хозяина: «Нет. Чего там открывать, только дует».

Словесный опрос одним лектором-бытовиком полтора десятка ребят в клубе «Металлист» подтвердил, что только четверо из них ежедневно, регулярно, каждый день проветривают свою комнату. Остальные — «от случая к случаю».

Во многих углах мы увидели паутину. Сами ребята часто шутя говорят, что паутина занимает порой больше жилплощади, чем сам хозяин комнаты. Казалось бы, что мокрая тряпка давным давно могла бы «всерьез и надолго» ликви-

дировать грязь, но, к сожалению, тряпка в нашем быту не занимает присущего ей почетного места.

Воспользовавшись отсутствием хозяина, мы проинтервьюировали грязную тряпку, лежащую под столом, которая оказалась сговорчивой и поведала нам следующее:

«Я лежу без движения несколько месяцев под обеденным столом. Вы уже наверно догадались по моему внешнему виду, что я когда-то была крайне необходимой частью в туалете моего хозяина.

Хозяин мой работает на заводе, труба которого видна из окна комнаты. Первый раз — о, я живо вспоминаю этот случай, — он воспользовался мною перед приходом к нему в гости на вечеринку парней и девчат. Но с тех пор прошло немало дней, как я лежу без движения, мучась страшной жаждой. Я никогда не бываю мокрой и мой хозяин даже и не думает вытирать мною пол».

Мы призадумались над одной фразой этого взволнованного диалога. Да, тряпка права. Когда к нам приходят гости, то мы стараемся «пустить пыль в глаза».

Начинается генеральная уборка, все перевертывается вверх дном.

Моется пол, выметается сор, расставляется в порядке мебель, стол покрывается белоснежной скатертью.

«Незванный гость хуже татарина» следует понимать так: «нечего приходить к нам, когда мы грязненькие. Тогда приходите к нам, гости дорогие, когда мы чистенькие».

Мы тратим последние крохи, несем заклады в ломбард последнюю рубаху, лишь бы показать, «что, мол, де, и мы живем как «человеки», и, как у всех, у нас на столе поросенок, водочка и обильная закуска».

«Ведь никто же не видел, как я живу. Ну, а раз не видел, то не все ли равно, порядок у меня дома или хаос», — заявил один рабочий парень, на бытовом диспуте в клубе им. Самойловой.

Потолок в комнате нашего хозяина весь закопчен. «От примуса», объяснил нам сосед. И действительно, если бы вы вечером, после рабочего дня, смогли снять с домов крыши, то увидели бы, как во всех клетушках этих гигантских строений коптят примусы и слышится гулкое шипенье.

Кухня в коммунальных квартирах часто служит не местом приготовления пищи, а полем битв «русских с кабардинцами». Пища большей частью готовится в комнате, рядом с кроватью, на небольшом столике или даже прямо на сундуке.

В рабочей семье обычно чище, но при условии, если женщина «домохозяйничает», т. е. не работает. Этот «освобожденный» работник прини-

мает на себя всю тяжесть бытового обслуживания семьи. В семьях же, где жена работает наравне с мужем, жилище немногим отличается от вышеописанной комнаты.

У девушек несколько больше порядка, вернее больше внешней красоты. Наши девчата любят «уют», хотя уют для них заключается в занавесках, гипсовых фигурках, развешенных карточках, салфеточках и пр. «мелочишках». Порой эти «уютные» вещички являются рассадниками пыли и паразитов, но внешне они производят известный эффект. А ведь это самое главное. . .

Должны ли парни и девушки заботиться о чистоте своей комнаты?

Нужно ли хоть раз в месяц вымыть пол и раз в неделю вытереть его мокрой тряпкой?

Наконец, должны ли мы, весь коллектив в целом, заботиться о гигиенических условиях рабочего жилища?

Конечно, должны и именно коллективно, сообща, общими дружными усилиями.

Не скоро еще все рабочие смогут пользоваться комфортом вновь выстроенных домов. Не так легко нам строить рабочие городки, полные солнца, света и различных удобств. Пока что следует призадуматься над тем, как лучше приспособить к нашим нуждам имеющийся дом, те

комнаты, в которых мы сейчас живем, как их вычистить, вымыть, «окультурить»?

«Смена» выдвинула очень интересную мысль организации конкурсов среди молодежи на лучшую, гигиеничную комнату, но, к сожалению, не всюду эти конкурсы проведены, хотя они несомненно стимулировали бы рабочих данного завода, фабрики, цеха к генеральной уборке.

Недостаток этих конкурсов заключается лишь в том, что они не имеют характера систематической, плановой жилищной работы, а обычно проводятся снаскока.

Целесообразно было бы эти конкурсы превратить в периодически повторяющиеся «недели чистки» и не отдельных домов, а целых кварталов, даже районов города.

В каждом ЖАКТе, заводе, коллективе нужно создать «штаб очистки», который проверял бы результаты кампаний и накапливал опыт для дальнейшей работы. Ведь проводим же мы различные ударные кампании и не без успеха, а чем эта задача «не ударнее»?

Помимо этого должно также практиковаться коллективное посещение квартир. Как, в каких условиях живет наш товарищ по станку, коллективу, работе, до сих пор нас мало интересовало. А может быть ему некому помочь? В таком случае мы сообща должны помочь ему вымыть

пол, убрать комнату. Вот — вид действительно товарищеской взаимопомощи.

Работница Госзавода № 4 Тамара Щ. живет в холодной сырой комнате вместе с больной, страдающей ревматизмом бабушкой.

Окончив работу, она торопится домой. — Ведь нужно же ей прибраться. Нужно и обед сварить.

А в коллективе разговорчики:

— Тамара-то отрывается.

— Мещанкой становится.

— И в клубе ее совсем не видно.

А до клуба ли ей. До комсомольской ли работы, когда дела не ладится?

Вот еслиб вместо пустых разговоров-«подкусывания» эти же ребята хоть раз в неделю зашли и помогли б ей прибраться. . .

Со всеми недостатками в нашем рабочем жилище может справиться лишь весь коллектив в целом. Это подтверждается и фактами.

Так, комсомольцы Ветеринарного Института, решив бороться с грязью, неряшливостью, провели конкурс на лучшую комнату. Это подтянуло ребят, и результатом конкурса было изгнание грязи из общежития. Еще лучшие результаты дал конкурс «ядра быта» при общежитии Педагогического техникума им. Некрасова.

На заводе «Красная Заря» молодежью организованы жилтройки по улучшению жилищного быта. Жилтройка, обследовав весь район, нашла квартиру, в которой после ремонта поселились наиболее нуждающиеся в здоровом жилище ребята.

Словом, можно было бы привести десятки и сотни примеров, свидетельствующих о том, что перед коллективной волею, упорством, коллективным напором не могут устоять расхлябанность, неряшливость и грязь. Наше жилище один из боевых участков бытового фронта. Три случая самоубийства в общежитии на Тарасовом переулке вопиют о том, в какие тупики могут завести нашу молодежь жилищные «неурядицы».

Больше внимания рабочему жилищу, ибо *больше трети своей жизни мы проводим в четырех стенах своей комнаты.*

Пора поставить также на обсуждение коллектива вопрос: «койка» или «кровать»?

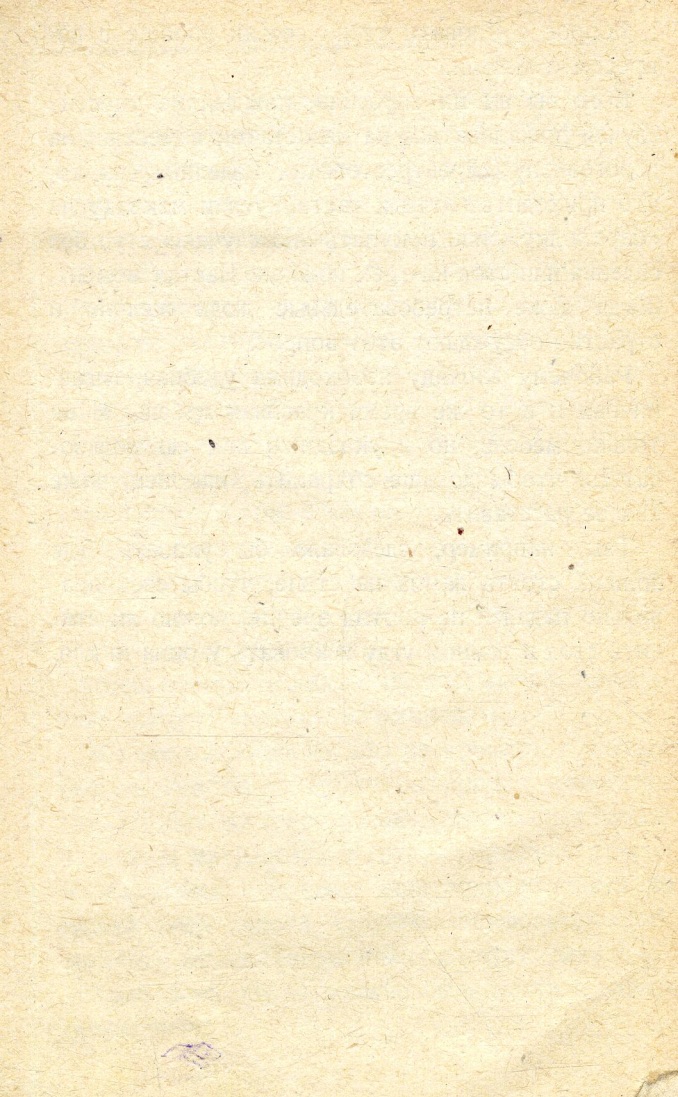
Мы против «койки». Мы за кровать, с чистым бельем, без блох, клопов и прочих «многоногих». Койка же с протухлым, пролежалым тюфяком (а не матрацем!), с грудой смрадного тряпья и лоскутным одеялом — еще сохранившийся до наших дней символ старого дореволюционного рабочего жилья. Такую койку следует сдать в музейный фонд. Ей не должно быть места в нашем новом быту! . .

Вопрос о кровати тесно связан вообще с вопросом о мебели.

Кого бы вы ни спросили, каждый не упустит случая пожаловаться на недостаток в мебели, на дороговизну «Древтрестовских изделий», на то, что приходится идти к частнику или маклаку на «барахолку», или покупать «по случаю» стул без сиденья или стол на трех ножках. Настал момент, когда даже нетребовательные люди желчно и страстно обсуждают этот вопрос.

Рабочему жилищу необходима удобная, гигиеничная и в то же время красивая мебель. И не только мебель, но и указания, как ею пользоваться, чтобы дольше сохранить, наконец, даже как ее расставить.

Так, например, следовало бы указать, где должна стоять лампа на столе, чтобы свет правильно падал и не портил зрения, можно ли ставить стол в темном углу и кровать у окна и т. п.

«По платью встречают»...(!)

(Из старой пословицы.)

КРИК МОДЫ ИЛИ ВОПЛЬ ФАБЗАЙЧЕНКА

Знаете ли вы, что такое «крик моды»?

Для нашей рабочей девушки — это креп-дешиновое платье, пальто, обтягивающее рельефы фигуры, лакированные и бежевые «лодочки», шелковые чулки с острой стрелкой, яркий, кокетливый джемпр и пузырчатый ручной чемоданчик вместо сумки.

Для «форсистого» парня — пиджак с обхватом в талии, коротенькие «дудочки» (брючки) с манжетами, клетчатая английская кэпи с громадным прямоугольным козырьком, остроносые желтые ботинки, полосатые носки и кашнэ «а ля апаш».

В обеденный перерыв в одном из углов мастерской, у опрокинутого ящика, собралась группа девчат. В руках одной из них, приковывающей к себе всеобщее внимание, свежий, еще пахнувший литографской краской журнал. На цветном фоне обложки узорчатыми буквами выведено: «Искусство одеваться». Маленькие пальчики девушки нетерпеливо перелистывают страницы, пока ее взгляд не останавливается на каком-то манекене.

— Ах, как красиво, — проносится по группе. —

— Но зато как дорого, — с печальным взглядом отвечает девушка. Разгораются страстные дебаты на тему «где и как сделаны сборки, куда «приклеены» кружева, нельзя ли приподнять юбку» и т. п.

Огрызок карандаша быстро выводит на полях журнала нестройные колонны цифр. Сложная математическая задача.

«3 метра шелка по 4-12; шитье — 8; пуг. — 2».

Хриплый гудок, возвещающий о начале работ, возвращает размечтавшихся девушек к действительности, настойчиво зовет их к станкам...

Но не только девушек, как обычно думают многие из нас, но и парней не миновала эта «модная лихорадка». Нам удалось подслушать беседы ребят в клубе, коллективе, на улице. В особенности на улице нам приходилось видеть часто прилипших к зеркальным витринам парней, жарко дискуссирующих о том, что красивее, «бульдог» или «джимми», «дудочки» или «клеш»? Разговоры о качестве, прочности, удобстве, гигиеничности той или иной одежды приходилось слышать реже. Большинство молодежи предъявляет к одежде требования внешней красоты, чтобы походить в ней на «заграницу».

Можно ли протестовать против стремления молодежи красиво одеться? Нет, даже наоборот, мы приветствуем это стремление как верный показатель культурного роста, роста эстетических потребностей. Разве мог раньше, до революции, молодой рабочий мечтать о шляпе? А теперь группа молодежи пробочной фабрики предполагает обзавестись мягкими фетровыми шляпами.

нас в клубах поломанных стульев, ободранных диванов, голых стен?

«Хулигана трудно затащить в кружок», — говорят клубные работники. Да, в тот кружок, который ему не нравится, он не пойдет. Но предоставьте хулигану самому организовать кружок и дело пойдет на лад.

Так, к завклубу Домпросвета им. Герцена сама пришла группа «болониской шпаны» и заявила о желании организовать радио-кружок. Живое интересное дело. Завклуб отпустил им средства, и вся эта «теплая компания» во главе с «Поми-наньем» (кличка «вождя») стала усердно посещать клуб и втянулась в клубную работу.

Мы могли бы привести много подобных примеров, свидетельствующих о том, что работу среди хулиганов можно развернуть на деле и с большой пользой.

Не так давно в одном клубе была устроена лекция на тему о хулиганстве. Не любят хулиганы подобные темы и, конечно, не ходят на такие лекции.

— «Нравоучения нам там читают», — говорят они.

Но организатору юнсекции этого клуба очень захотелось привлечь на лекцию шпану. Карандашом он сделал на афише небольшую приписку: «приглашается вся шпана района». И 80% ауди-

тории составили хулиганы. Без «бузы», без выкриков и смеха, внимательно и серьезно они выслушали лектора, и один из них, выражая настроение большинства, в прениях заявил: «Дайте нам живую работу, сделайте клуб интересным, и мы придем к вам».

Пришедшего в клуб хулигана нужно загрузить работой.

— «Нечего делать, хоть блох дави», — шепчутся ребята.

Большее доверие нужно оказывать бывшим хулиганам, не боясь доверить им более или менее ответственную работу, стереть грани между хулиганом и обыкновенным клубным активистом.

Разве мало мы знаем примеров, что хулиганы, бьющие стекла в клубе, благодаря умелому подходу к ним клубных активистов, бросали свою «компанию», становились членами К. О. П-ка (комиссии общественного порядка) того же самого клуба и вели активную борьбу с хулиганством (клуб М. Моисеенко, клуб металлистов Петроградского района и пр.).

Клуб «Парижской коммуны» (ныне закрытый) насчитывал в рядах своего актива немало бывших охтенских хулиганов.

Несколько слов о танцах. — «Танцулек мы не будем устраивать», — кичливо говорят некоторые

Здесь немало таких случаев, когда красивую одежду превращают в фетиш, в самоцель, гонятся за ней в ущерб другим не менее важным потребностям.

Так, среди девчат ф-ки Халтурина можно встретить и таких, которые предпочитают косметику — мылу, шелковое платье — хорошему нижнему белью, маникюр «а ля Сан-Франциско» (сильно покрашенные ногти) — зубной щетке и в результате манерничанье — естественным движениям.

Часто парень и девушка стараются перещеголять своих товарищей в нарядах. Это нездоровое стремление обычно приводит к жесткому «режиму экономии», к сокращению расходов на питание, жилище, театр, кино, газеты и проч.

Девчатами, при выборе одежды, часто руководит желание понравиться, выглядеть кокетливой, интересной, а парнями не менее «низменное» желание щегольнуть, «показать себя», пофорсить, короче говоря «нагнать фасону».

— *Хоть лопну, а фасон выдержу,* — заявил нам парень, подручный слесарь гигантского завода с Васильевского Острова.

— Чем я хуже Нинки, а у меня нет такого синего платья, как у нее, — сказала с завистью молодая работница с «Красного Ткача».

В результате мы носим не то, что нам удобно,

а то, что «модно». Одеть на себя «старомодное» платье это значит опозорить себя в глазах товарищей, показать себя «мокрой шваброй» и «паршивым скупердям», по образному выражению ребят.

Вот поэтому-то, из-за этих костюмных, нездоровых взглядов нам приходится видеть среди нашей молодежи кольца, серьги и прочие побрякушки чаще, чем ким'овский значок.

«Хочешь казаться красивым — умеи страдать», — говорит французская пословица. И наша молодежь страдает, страдает с чисто спартанским мужеством. Часто страдая мозолями или просто обладая большими ногами, парень, кряхтя и морщась от боли, натягивает на ноги узконосые джимми, а девушка, закусив до крови губы, танцует на саженных французских каблуках.

На цеховой вечеринке одного пищевкусового предприятия безусый фабзайченок, долго хорохорившийся, под конец не выдержал, сел на пол и под громкий смех своих приятелей снял свои ботинки.

«Ух, через час я бы погиб!» — облегченно вздохнув, заявил герой этого «номера».

Словом, погоня за модой, вернее за «криком» моды, несомненно отрицательное явление в быту нашего рабочего молодняка, который порой заводит в самые беспросветные тупики. Вслед за

плиссерованной юбкой, часто следует губная помада, крем Дюбарри, пудра, нежной штукатуркой покрывающие молодые лица. Вместо задорного молодого лица на вас смотрит какое-то фарфоровое изваяние!

Мы должны раз навсегда покончить с этими бытовыми «извращениями». Одежда должна быть несомненно красивой, но в то же время обязательно удобной, просторной, гигиеничной и прочной в носке. Коллектив, наша рабочая общественность могут многое сделать в пропаганде такой одежды. Например, коллективный выбор и покупка одежды могут явиться неплохим способом борьбы с глупой погоней «за модой».

В группе, в коллективе всегда найдутся ребята, которые смогут не только дать полезный совет, дельное указание, но и остановить других, высмеять (а это ведь лучший способ критики) зарвавшихся «модниц» и «модников».

Нашу молодежь необходимо приучать выбирать вещи и покупать их коллективно, сообща.

Искусство одеваться заключается не только в умении выбрать прочную, удобную, красивую и гигиеничную одежду и одеть ее, но и в умении сохранить ее, пользоваться ею возможно дольше.

Штаны на год, или на три месяца — большой вопрос в нашем быту.

Мы не умеем, вернее, не научились беречь свои

вещи, культурно относиться к своей одежде, быть аккуратными.

Так, очень часто вместо пятнадцатикопеечной вешалки мы вбиваем в стену гвоздь, на который и вешаем свое одеяние или даже просто разбрасываем одежду по комнате — на стул, комод, кровать и т. п. А разве трудно брюки бережно сложить, чтобы они не смялись, трудно ли аккуратно сложить платье, чтобы оно через месяц не превратилось в грязную хламиду, или потратить ежедневно 3 — 5 минут на чистку обуви, чтобы она не потрескалась и не развалилась. Даже самый прочный госссапог не выдержит нашего режима. «Ваксим» сапоги мы лишь по праздникам или когда идем в гости.

Нам следует брать пример с западных рабочих. Их аккуратность, бережливость, культурное отношение к вещам *должны стать нашими твердыми привычками.*

«Дыры — большое место нашего костюма». Казалось бы, чего проще, взять иголку с ниткой и зашить, заштопать порванные места. Так нет, мы предпочитаем «донашивать», чем зачинить.

«Не стоит терять времени. Все равно придется выбрасывать», — часто слышим мы от ребят.

Поднять петлю на чулке, пришить пуговицу, подшить оборванную бахрому, — все это «че-

пуха». А так ли? Чепуха ли? Неряшливости не должно быть среди нас.

На заводе им. Семашко образовалась группа молодежи по борьбе с неряшливостью. Такие же группы мы имеем на ф-ке им. Володарского, заводе им. Рыкова и пр. Опыт работы этих групп должен быть использован и распространен на все остальные фабрики и заводы.

Иголка с ниткой должны занять почетное место в нашем быту, и если парень не умеет «оперировать» со столь несложным инструментом, то наши девушки-работницы должны ребят научить этому «искусству».

Дырам и неряшливости должна быть объявлена беспощадная война! И опять-таки не в одиночку, не вразброд, а организованно, коллективно мы должны уничтожить эти отвратительные «мелочи» старого быта.

Часто под белоснежным воротничком скрывается грязная шея, под ленинградодеждовой «тройкой» грязное белье с бесплатным приложением в виде паразитов, под шелковым чулком — противно вонючая нога.

«Важен внешний вид, а что снизу, то ведь не видно», — говорят ребята.

«Товар надо показывать лицом», — отвечают они на ваши возражения.

Часто ли мы меняем и стираем белье и ходим

в баню? — «Копаются в грязном чуждом белье?», — ехидно спросят нас.

«Уж не думаете ли вы взять мочалку и вымыть всех с ног до головы?»

«Не предполагаете ли вы декретировать обязательное посещение бани?»...

Да, мы копаемся в грязном белье, ибо это необходимо. Мы не можем допускать, что рубаха занашивается на теле рабочего парня до дыр, теряя свою живую окраску, не можем мириться с вшивостью и грязью. Что же касается декретированного посещения бани, то, к сожалению, издание этого декрета невозможно, но кое-что и в этой области можно сделать.

Мы не знаем, чем кончился опыт комсомольского коллектива земуправления, организовавшего коллективную отдачу белья в стирку, но эта инициатива бесспорно полезная и заслуживает подражания. Дешево и гигиенично. Даже тот, кто живет в «неладах» с чистотой, волей-неволей, не желая отставать от товарищей, принужден будет регулярно менять белье и в определенные дни приносить старую пару белья.

В наших домах редко встречаются ванны и «банный вопрос» может быть разрешен коллективным путем.

Комсомольцы завода «Кр. Судостроитель» уже практикуют коллективное хождение в баню:

ведь, ходим же мы коллективно в театр, кино, музеи, так почему же нельзя провести «мобилизацию» и на этом участке культурного фронта? Вообще, наравне с проведением советских, комсомольских, клубных и проч. «дней» мы должны выкроить в нашей рабочей неделе еще и «банный день», вернее «чистый день», день чистки и культурного самообслуживания.

Несколько слов о зубной щетке. Зубы мы любим лечить. Одна зубная амбулатория гиганта «Кр. Треугольника» за год приняла 1528 больных и вставила 732 зуба. А предохранять наши зубы от порчи, болезней мы не умеем.

Зубные врачи лечат на заводах наши зубы, лихо дергают их, когда нужно, а профилактической работы никакой не ведут. За все время ни в одном клубе не была ни разу лекция о том, «почему человек должен чистить зубы» и «Как чистить зубы». Нам приходится блуждать в потемках и собственными силами, без чьей-либо помощи находить выход.

Молодежь завода им. Егорова приобрела зубные щетки и предложила всем остальным заводам последовать своему примеру.

Результаты? Явно недостаточны и, главным образом, потому, что мы не обращаем внимания общественного мнения на этот серьезнейший «мелочной» вопрос.

Необходима культурная пропаганда, живой культурный пример «зубочистных» активистов. На заводах среди рабочей молодежи щетка прививается крайне медленно, в то время, как в Красной армии та же зубная щетка завоевывает права гражданства, и каждый год тысячи демобилизованных парней, возвращаясь домой, на село, увозят с собой «кусочек культуры» — зубную щетку и синюю коробку порошка «Тэжэ».

Иногда парень или девушка, движимые благими намерениями, покупают зубную щетку и рьяно принимаются за чистку зубов, но спустя короткое время эта нехитрая процедура надоедает, интерес притупляется, и зубная щетка превращается в сапожную...

«Зубной» вопрос также следует поставить в порядок дня. Чистить зубы мы должны, приучить к чистке зубов необходимо всех, ибо это одно из элементарнейших требований культуры.

Было бы хорошо на цеховых собраниях проводить «парады зубных щеток». Каждый периодически приносит свою щетку и демонстрирует ее. Это создало бы интерес вокруг зубной щетки, это стимулировало бы молодежь к ее приобретению и пользованию. И в «текущих делах» повестки дня собрания на вопрос председателя «у всех ли ребят имеется зубная щетка и все ли чистят ими

зубы?» масса рук с зубными щетками должна взлететь вверх.

Здоровыми зубами мы перегрызаем все, и гранит учебы, и «болезни» нашего роста, и все те препятствия, которые когда-либо станут на нашем пути.

«Пусть шапкою нас зовут»...

(Из песен хулиганов.)

ЛЮДИ В „ВОЗДУШНЫХ МАЙКАХ“

«Хулиган» — мрачное, тяжелое, противно-липкое слово. У жителей центрального района представление о хулигане вызывает дрожь и сильное головокружение. В их представлении хулиган состоит из следующих главных частей: лихо вздернутого кока волос, приплюснутой кепки, полосатой матроски, ножа, кастета и пары массивных кулаков.

Для жителя рабочей окраины его лицо несколько иное. Костюм Ленинградодежды, воздушная майка, иногда даже желтые кожтрестовские ботинки. Словом — человек-человеком. Чаще всего даже «свой парень».

С рабочим номерком и профбилетом в кармане.

Житель окраины вместе с ним по утрам просыпается от переключки хриплых фабричных гудков, вместе с ним его поглощают решетчатые фабричные ворота, рядом с ним он стоит у станка, но как только наступает вечер, его сосед становится. . . «хулиганом».

Не успела еще тьма окутать город, как на улицах раздаются визгливые вскрики расстроенной гитары, переливы разухабистых песенок, шумная драка и смачный мат.

На улице — диктатура шпаны.

Взрослый рабочий «бочком», незаметно пробирается домой и плотно закрывает за собой

дверь. Спросите рабочих Северной Судостроительной верфи, поговорите с жителем дер. Волынкина, с рабочими «охтенцами», завода «Марксист» (с о. Голодая), — и все они вам расскажут о том, как «шалит» молодежь по пустырям, аллеям, у заборов и пивных.

Рабочие завода «Большевик» жалуются на то, что вечером небезопасно выйти на улицу.

2-я смена с ф-ки «Халтурина» боится после работы возвращаться домой.

Словом, хулиганство расцвело махровым цветком и с каждым днем пускает все глубже и глубже свои корни.

О хулиганстве много писали и пишут, но еще больше говорят. Все, что выходит из рамок общественного поведения, называется обычно «хулиганством». «Хулиганом» часто называют и расшалившегося школьника, и озорника, облившего чернилами прохожего из 4-го этажа, и дебошира у светло-зеленой вывески пивной, и парня, взявшего на «хомут» девушку и, наконец, негодяя-чубаровца. Так ли это? Можно ли поставить между всеми этими поступками знак равенства и прилепить к ним шаблонный ярлык «хулиганство»? Нельзя.

В первом случае мы имеем озорство, во втором — хулиганство и, наконец, преступника.

Разница между ними большая. Совершенно правильно наш уголовный кодекс квалифицирует хулиганство, как озорство и бесчинство, связанное с неуважением к личности и обществу, но отнюдь не как преступное деяние.

Чем объясняется хулиганство? Где «корни» хулиганства? Корни хулиганства гнездятся в нашем быту. Быт — это еще до сих пор самое «узкое» место нашей действительности. До сих пор мы еще «болеем» старым бытом, до сих пор крепко держат нас в своей власти бытовые привычки и традиции. По заводам ходит поговорка: «год не пей, два не пей, а с получки парочку расколи». И рабочие, и молодежь наша прямо с завода идут в пивную, где «колют» не только мутно-зеленые бутылки, но и друг другу черепа.

«Привычка миллионов — страшная сила», — сказал В. И. Ленин. И действительно до сих пор мы еще бьем втихомолку своих жен, напиваемся до положения риз по праздникам («какой же праздник, если не выпить»!) и т. д. и т. д.

Хулиганство — бытовая наследственность.

Хулиганство — атавизм, наследие тех тяжелых времен, когда рабочий в кабаке заливал алко-голем горечь своих обид, старался забыться и уйти от жизненных неудач, горя и нищеты, когда он не знал другого времяпрепровождения, как пьяную беседу, «матовый спор» и бузливую драку.

Затем, кроме этого, причинами хулиганства являются отсутствие воспитания, отрицательные примеры окружающих (одна паршивая овца портит все стадо), неумение организовать свою личную жизнь, свое жилище, питание, отдых, неумение правильно использовать свой досуг.

Наконец, хулиганство объясняется и упадническими настроениями, имеющими место среди неустойчивых, еще не выверенных в производстве слоев рабочего молодняка.

Несомненно, что тот, кто работает, сознавая себя строителем нового общества, тот, конечно, не хулиганит, но тот, кто не видит перед собой никаких перспектив, кто не верит в важность своей созидательно-творческой работы, тот, если не хулиганит сейчас, то явится первым кандидатом в ряды хулиганствующей молодежи.

Не так давно было высказано мнение, что одной из причин хулиганства является сознание парнем собственной недостаточности, а отсюда порыв «выдвинуться», «блеснуть», показать, «вот, мол де, мы какие», словом, обратить на себя внимание. Эта теория (если подобную точку зрения вообще можно назвать теорией) «собственной недостаточности» является теорией буржуазного эгоцентризма, теорией хулиганствующей богемы, и отнюдь не может вскрыть и объяснить причины хулиганства рабочей молодежи.

Хулигану рабочей окраины (а в центре их мало) чуждо стремление афишировать себя. Рабочий парень хулиган не потому, что он хочет «показать себя», а потому, что он не представляет себе иного времяпрепровождения, потому что ему... скучно.

«И скучно, и грустно, и некому морду побить», — вот классическая характеристика самим хулиганом своих настроений. Из ребят «прет» энергия, но они не умеют и не знают куда и как ее приложить. Среди хулиганов нам приходилось встречаться с ребятами яркой индивидуальности, с природными дарованиями, с большой внутренней зарядкой.

Если бы мы могли переключить их энергию, юношеский порыв и энтузиазм на полезное дело, то это принесло бы несомненно большую пользу. Кто из нас не читал талантливо написанную книгу «Республика Шкид»? Она написана бывшими беспризорниками, когда-то хулиганившими подростками. Кто из молодежи не знает юнкора «Смены» Белых, бывшего беспризорника?

Примеров можно привести десятки, а может быть и сотни. Но этого, конечно, недостаточно. Необходима большая кропотливая работа, прежде чем мы сможем вычеркнуть вопрос о хулиганстве с нашего порядка дня.

Хулиганство классовое преступление.

Хулиганство неминуемо деклассирует рабочего парня, отрывает его от коллектива, общности.

Но как бороться с хулиганством?

Что мы сделали до сих пор для искоренения этого зла?

Диспуты, которые не посещают хулиганы, книги и брошюры, которые ими не читаются, — конечно, не помогут нашему делу. Все, это, как говорят сами хулиганы, беллетристика, рыночная макулатура. И пока мы спорим, дискусируем, пишем длинные гутаперчевые резолюции, намечаем планы работы, сиречь, планируем... хулиганство непрерывно растет, прогрессирует, заражая все новые и новые слои рабочей молодежи.

Необходимо вплотную подойти к вопросу борьбы с хулиганством. А для этого надо вплотную подойти и к самим хулиганам. Без перчаток, блок-нота, роговых очков и предвзятого презрения.

Фронт борьбы с хулиганством должен идти по линии культпросветработы, для него необходимо найти новые методы и формы работы. Ведь ведем же мы работу среди людей, страдающих физическими недостатками (среди слепых, глухонемых и пр.)

Так почему же нам не вести работы среди людей, страдающих моральными дефектами, нрав-

ственным изъясном? Мы имеем все шансы на успех. Мы знаем свою шпану, знаем ее жизнь, знаем места сбора, Чернореченской, Лиговской, Песковской и пр. «братвы», ее интересы, знаем чем ее можно заинтересовать...

Нам ответят, что у нас имеются клубы, которые уже давно ведут эту работу. Правильно, клубы ведут работу, но результаты? Вот результатов-то и не видно. До сих пор еще часто формы и методы клубной работы мертвы, безжизненны, и трафаретны: «Раз хулиган, значит, вон из клуба. Нечего тебе здесь делать», — так встречают часто хулигана в клубе.

— «Где твой членский билет?», — спрашивают его в другом клубе.

— «Мы обслуживаем только членов своего союза», — заявляют в третьем.

Один хулиган нам рассказал следующее: «Решил зайти в клуб. Зашел. Хожу себе спокойно по комнатам, а за мной неотступно — зав со сторожем. Боялся, чтобы не спер что-нибудь. Ребята стали следить, мне стало стыдно, я и ушел».

Когда нам рассказывал эту небольшую историю хулиган — безусый рабочий подросток, мы вспомнили плакат, красующийся через несколько кварталов на дверях сектантского дома на Б. Конюшенной улице.

«Евангельские христиане сердечно приглашают молодежь сегодня на беседу».

Знает цену человека сектант, знает ее и услужливый официант пивной и крупье Владимирского клуба, *но мало знаем ее мы.*

Больше внимательного товарищеского отношения к хулиганам, к хулиганствующей молодежи и она не будет бояться нашего клуба, как зачумленного дома.

Часто клуб преподносит молодежи лекции вроде: «Ловля блох в дебрях Африки», или мучительно длинный доклад, или неинтересную «агитку».

В такой клуб и калачом не заманишь хулигана.

«Скучно в ваших клубах», — сказал на бульваре нам один хулиган, — «мало самостоятельности. Когда я хочу петь, то мне говорят «молчи». Когда хочется молча посидеть, говорят «пой, обязательно все должны петь».

Затем об уюте. Уютно ли во всех наших клубах?.. Не думайте, что хулигану чужды потребности чистоты и уюта. Наоборот, очень часто он идет в пивную именно потому, что там, в пивной, мраморные столики, на стене висит зеркало, играет оркестр, особенно после выпивки все кажется милым, красивым, заманчивым. Мало ли у

нас в клубах поломанных стульев, ободранных диванов, голых стен?

«Хулигана трудно затащить в кружок», — говорят клубные работники. Да, в тот кружок, который ему не нравится, он не пойдет. Но предоставьте хулигану самому организовать кружок и дело пойдет на лад.

Так, к завклубу Домпросвета им. Герцена сама пришла группа «болониской шпаны» и заявила о желании организовать радио-кружок. Живое интересное дело. Завклуб отпустил им средства, и вся эта «теплая компания» во главе с «Поми-наньем» (кличка «вождя») стала усердно посещать клуб и втянулась в клубную работу.

Мы могли бы привести много подобных примеров, свидетельствующих о том, что работу среди хулиганов можно развернуть на деле и с большой пользой.

Не так давно в одном клубе была устроена лекция на тему о хулиганстве. Не любят хулиганы подобные темы и, конечно, не ходят на такие лекции.

— «Нравоучения нам там читают», — говорят они.

Но организатору юнсекции этого клуба очень захотелось привлечь на лекцию шпану. Карандашом он сделал на афише небольшую приписку: «приглашается вся шпана района». И 80% ауди-

тории составили хулиганы. Без «бузы», без выкриков и смеха, внимательно и серьезно они выслушали лектора, и один из них, выражая настроение большинства, в прениях заявил: «Дайте нам живую работу, сделайте клуб интересным, и мы придем к вам».

Пришедшего в клуб хулигана нужно загрузить работой.

— «Нечего делать, хоть блох дави», — шепчутся ребята.

Большее доверие нужно оказывать бывшим хулиганам, не боясь доверить им более или менее ответственную работу, стереть грани между хулиганом и обыкновенным клубным активистом.

Разве мало мы знаем примеров, что хулиганы, бьющие стекла в клубе, благодаря умелому подходу к ним клубных активистов, бросали свою «компанию», становились членами К. О. П-ка (комиссии общественного порядка) того же самого клуба и вели активную борьбу с хулиганством (клуб М. Моисеенко, клуб металлистов Петроградского района и пр.).

Клуб «Парижской коммуны» (ныне закрытый) насчитывал в рядах своего актива немало бывших охтенских хулиганов.

Несколько слов о танцах. — «Танцулек мы не будем устраивать», — кичливо говорят некоторые

культработники. — «Нельзя потакать вкусам молодежи», — продолжают они.

Что же в результате? В результате молодежь из клуба идет на домашние вечеринки с «девчонками», бутылочкой и потасовкой, или в лучшем случае в танцклассы популярных маэстро Дриго, Гиммельман и пр. Бывали ли вы у них? Знаете ли вы, что 60% посетителей составляет наш рабочий молодежь.

Вот здесь, не на танцах, а именно на «танцульке» среди ниш с диванчиками, в атмосфере грубого флирта и неприкрытой порнографии теряется наша молодежь свое классовое лицо и приобретает физиономию разнузданной улицы. Не так давно «ученики» Дриго преподнесли ему адрес, в котором пишут, что он, «месяе Дриго является лучшим человеком (!?), хорошим товарищем, верным другом молодежи» и т. д. и т. д. Под адресом красовались подписи также и рабочих ребят.

Комментарии излишни. Вывод только один — благодаря нашей косности и консерватизму, мы даем нашими собственными руками, в затхлых вертепах танцклассов разлагаться нашей молодежи.

Почему бы нам не устраивать танцы (не танцульки, а танцы), не вести пропаганду культурного танца (опыт спорт-трота и пр.), наконец,

а то, что «модно». Одеть на себя «старомодное» платье это значит опозорить себя в глазах товарищей, показать себя «мокрой шваброй» и «паршивым скупердяем», по образному выражению ребят.

Вот поэтому-то, из-за этих костюмных, нездоровых взглядов нам приходится видеть среди нашей молодежи кольца, серьги и прочие побрякушки чаще, чем ким'овский значок.

«Хочешь казаться красивым — умей страдать», — говорит французская пословица. И наша молодежь страдает, страдает с чисто спартанским мужеством. Часто страдая мозолями или просто обладая большими ногами, парень, кряхтя и морщась от боли, натягивает на ноги узконосые джимми, а девушка, закусив до крови губы, танцует на саженных французских каблуках.

На цеховой вечеринке одного пищевкусового предприятия безусый фабзайченоч, долго хорохорившийся, под конец не выдержал, сел на пол и под громкий смех своих приятелей снял свои ботинки.

«Ух, через час я бы погиб!» — облегченно вздохнув, заявил герой этого «номера».

Словом, погоня за модой, вернее за «криком» моды, несомненно отрицательное явление в быту нашего рабочего молодняка, который порой заводит в самые беспросветные тупики. Вслед за

Словом, перед нами непочатый край работы. И для всего этого не требуется больших средств. Необходимы, главным образом, энергия, настойчивость и человеческое товарищеское отношение к жертве нашей невнимательности — хулигану.

*Идут, шатаясь,
вот они —
Тяжелый угар, —
От собственной
блевотины
Скользит тротуар.*

Н. Асеев

КАК МЫ ОТДЫХАЕМ?

С самого утра взошло ослепительное солнце.

Казалось, что все жители нашего душного, мрачного города в такой прекрасный день уйдут на поля и реки, подальше от заводского дыма и пыльных улиц. На самом деле лишь незначительная часть рабочих в праздничные дни отправляется отдыхать за город. И то неорганизованно, а «самотеком».

Наши профсоюзные экскурсии, главным образом, охватывают молодежь, которая снисходительно прощает все организационные неурядицы, тесноту в вагоне, крики, шум, неразбериху. Взрослый же рабочий предпочитает поехать за город самостоятельно, чтобы в знойный солнечный день проветрить свои легкие, надышаться ароматом полей, отдохнуть на лоне природы.

* * *

— «Не забудь. Поезд отходит ровно в девять», — сказал еще вчера организатор экскурсии, вручая фиолетовый билетик.

Трудно вставать в воскресенье утром. Ноги ноют от вчерашней беготни, голова упрямо валится на подушку и хочется, плотно завернувшись в одеяло, сладко заснуть.

Но солнечные «зайчики» надоедливо щекочат нос и пятки.

Вы вспоминаете, что до отхода поезда осталось не больше часа, и, сразу сбросив с себя лень, вскакиваете с теплой постели.

Из секунд лепятся минуты, из минут — часы. Не успев как следует одеться и поесть, вы мчитесь, расталкивая прохожих, к трамваю или автобусу и прыгаете на подножку.

Трамвай давно уже переполнен такими же, как и вы, заспанными экскурсантами. В спину вам давит чемодан, спереди беспокоит ручка зонтика.

Наконец, вокзал. Начинаются поиски экскурсии. Охрипшие организаторы мечутся по перрону, собирая своих экскурсантов, как курица растерянных цыплят. Крик, шум, ругань.

К перрону медленно подходит поезд и все бросаются беспорядочной толпой на штурм вагонов. Тщетно пытается организатор заградить путь «чужим» и втолковать «варягам», что это «его» вагон. Все перемешивается и вагон набивается до последних пределов.

Когда поезд трогается, из корзин, фанерных чемоданов и пакетов вынимается закуска. Появляется и водочка и «стаканчики граненые». Своим аппетитом один заражает другого, и скоро чавканье десятков людей заглушает грохот колес. В углу вагона разместилась веселая компания молодежи. Зазвенела гитара... и полилась

бурная цыганская песня, подхватываемая всем вагоном.

„Цыган играет,
„Поет цыганка,
„Им вторит таборный напев.
„Ах тари, тари, тари...

— цыганит молодая работница, томно закатывая глаза и прижимая к груди руки. Видно, нет у нее новых песен. . .

Приехали. В зависимости от длины пути экскурсанты выходят пошатываясь или спотыкаясь, одни или с помощью товарищей. Груда порожних водочных бутылок остается под вагонными лавками. . .

Если вы приехали осматривать дворцы, то 3 длинных часа уходит на бессмысленное шатание, очереди и «пробег» по дворцовым комнатам. Осоловелые экскурсоводы заплетающимся языком дают вам объяснения, из которых ничего нельзя понять. Наконец, очень усталым вы выбираетесь из дворцов и долго не можете отдышаться.

«Домой бы». . .

Не лучше и на приморском или речном пляже. В праздничный день найти здесь свободное место, не занятый кусочек все равно, что выиграть по трамвайному билету 100 тыс. рублей. Вся территория пляжа занята голыми телами, разбросанными среди груд мусора, битых бутылок, клоч-

ков бумаги, обгрызанных корок и т. п. Вокруг развернутым фронтом стоят мороженщики, фруктовщики, торговцы сладостями, пирожками, яблоками.

Не успели вы еще снять свои штаны, как становитесь жертвой курортных хищников, ловких дельцов, обладающих удивительной способностью выуживать деньги из тощих рабочих кошельков.

Недаром рабочие-экскурсанты, побывавшие на Сестрорецком пляже, жалуются на то, что за прокат трусиков с них «дерут» 50 коп., за пользование кабинкой — 60 коп., а за «голодный» обед в местном ресторане «лупят» полтора рубля. Ведь полтора рубля для многих из нас, а особенно для молодежи — целый рабочий день. Немудрено, что после этих «опытов» пропадает всякая охота к экскурсиям за город. «За то, что чихнешь, и то полтинник гони», — шутливо заявляет молодой слесарь с «Металлического». «Создается впечатление, что все эти пляжи места отдыха не для рабочего»...

В большинстве дачных местностей орудует частник, но там, где имеется кооперация, она не отстает в своих аппетитах от него. Так, например, одно блюдо в кооперативной столовой в Петергофе стоит 60 — 70 коп., в Слуцке «за «второе» берут 80 коп. «Мы не нэпманы», — воз-

мущаются рабочие. И это возмущение вполне справедливо.

* * *

Прекрасны Петергофские дворцы, во много раз прекраснее их сказочные фонтаны. Бриллиантовыми брызгами разлетаются высокие струи чистой воды. Волшебными красками отсвечивается в них наше северное солнце. Фонтаны удивительное зрелище, от которого трудно оторваться.

Но не только фонтанами знаменит петергофский парк. Не меньшую известность создают Петергофу и его пивные павильончики. Пива в Петергофе не меньше воды. Не даром рабочие шуточно прозвали петергофские фонтаны пивными фонтанами.

По всему парку, в самых красивых местах, располагающих к тишине и сладкому отдыху, разбросаны щедрой рукой разные «Вены» и «Баварии». Пивная против дворца, пивная у лодочной пристани, у фонтана «Солнце» и т. д. «Пивная тут, пивная там», — сочным баритоном запел рабочий-драмкружковец.

Экскурсия является одним из интереснейших видов культработы, и она заслуживает большего внимания, чем ей уделялось до сих пор. Пьянство на экскурсиях объясняется недостаточным культурным ее обслуживанием и слабым идейным руководством.

Мало закрыть пивные и прочие злачные лавочки в дачных местностях. Необходимо добиться, чтобы сам рабочий не захватывал с собой «водочки», не делал алкогольного «запаса». Пиво должно быть заменено минеральными водами, водка — сладким кофе или молоком. Больше внимания нашей рабочей экскурсии! Лучшие культурные силы надо бросить на экскурсионный фронт!

Возвращение домой, в город — обычно сплошные муки. Поезд, конечно, опоздал и вместо трамвая пришлось несколько верст плестись пешком. Усталый, разбитый, выжатый, как лимон, рабочий-экскурсант с наслаждением падает на кровать.

— «Дудки-с! Больше ни за что не поеду».

* * *

На физкультурном фронте мы за последние годы сделали большие успехи. Даже самая отсталая в культурном и общественном положении группа трудящихся — домашние работницы, вовлечены Союзом Нарпит в спортивную (кл. им. Ракова). Среди «подданных сковород и кастрюль» культивируется баскет-бол, легкая атлетика и т. п.

Но несмотря на эти достижения, имеется много недостатков и теневых сторон. Физкультура, как всем известно, является одним из самых полез-

ных видов здорового, разумного развлечения и отдыха.

Однако, заводский спорт-кружок подчас не удовлетворяет рабочих. Наш спорт до сих пор часто плодит чемпионов и рекорсменов, оторванных от масс, зараженных духом нездорового соревнования, корпоративной замкнутостью.

Отсутствуют массовые игры и в частности игры «развлекательного» характера. До сих пор некоторые виды «развлекательного» спорта недоступны рабочему.

Таков, например, теннис. Для игры в теннис требуется наличие белых брюк. «Белые брюки» — почетный входной билет на площадку, свидетельство о «благонадежности». Культ «белых брюк» тормозит пролетаризацию этого спорта. Много ли рабочих среди теннисистов? ¹

На яхтах мы часто видим «лакированных» молодых людей, а не наших рабочих ребят, исключительно потому, что последние не имеют возможности выложить «чистоганом» 5 червонцев за аренду яхты. В наших яхт-клубах, теннис-клубах

¹ Прибавим к тому же, что ракетка стоит 25 рублей, плюс. членский взнос, который тоже на профсоюзных спортплощадках не ниже 3 рублей в месяц. А что бы если ракетку приобрести за счет союза да плату сократить до 50 копеек?

бах много еще «бывших» людей и генеральная чистка здесь необходима. «Белобрючников» с прямыми проборами и лакированными ботинками, флиртующих барышень с напыженными губами должна заменить буйная синеглазая молодежь. Нашей молодежи надоело шататься по пыльным улицам города. Она хочет закалять свое тело, свой дух в брызгах соленого моря!

Из-за всех этих недостатков молодежь «физкультурит» по-своему. Мы советуем нашим спорт-организациям заглянуть напр., на Шлиссельбургский проспект, где летом культивируются рюхи, а зимой кулачные бои, «стенка» между ребятами «Кр. Ткача» и «Экономайзера». В нашем городе много и «диких» спорткружков, организованных самими ребятами. В Володарском районе, на набережной Волковки, молодежь сама устроила спорт-поле, чтобы «покикать», поиграть в рюхи, лапту.

Спорт-работу нужно развернуть не только по линии профсоюзов и комсомола, но и по ЖАКТ-овской линии. В Московско-Нарвском районе при ЖАКТах возникло 6 спорт-команд, в Центральном — 4 и т. д.

До тех пор, пока наш рабочий спорт не станет подлинно массовым, пока вся молодежь не будет втянута в спортивные организации, пока не получат должного распространения массовые игры

и «развлекательный» спорт — мы не будем иметь разумного, физкультурного отдыха.

* * *

Многие из нашей рабочей окраины, не доверяя свою жизнь железной дороге или пароходу, довольствуются древним обычаем посещать кладбища. Смоленское, Охтенское, Обуховское, Волково кладбища — излюбленные места праздничного времяпрепровождения рабочих окраины.

С мешочками, пакетами, фанерными чемоданчиками, свертками, с «выпивкой», порой с пузатым самоваром, одеялами и подушками — всей семьей, со всеми домочадцами, включая кошку и собаку, отправляются ленинградцы на кладбище.

В такие дни к кладбищу со всех сторон стекаются сотни мороженщиков, квасников, баб с подсолнухами и дешевыми сладостями, шарманщиков, гадалок. В такие дни выползают из своих нор и медленно ползут к кладбищенским воротам босоножки-юродивые, «калеки-прохожие», «припадочные» уродцы, ободранные монахи, проститутки, квалифицированные пьяницы, воровки — словом, все «дно» города.

По всему кладбищу идет торг. Торгуют здесь всем. И водкой, и тухлыми кильками, вонючими аладьями, и образками, и телом... и... богом.

Одутловатые попы, в сопровождении мордастых, осипших от алкоголя, диаконов, торгуют «поми- нанием» оптом и в розницу. К концу дня почтен- ные священнослужители становятся жертвой языческого бога Бахуса и, пьяно ругаясь, засы- пают под кустами.

Винный «запасец» быстро истощается и близ- лежащие пивные берутся с боя, а семейный рабо- чий торопится «свернуть монатки» и вернуться домой. Боязно. Между могилами с темнотой по- являются подозрительные тени, высматривающие добычу. Из полуразрушенных склепов доносятся визги и циничная ругань.

Постепенно тьма окутывает кладбище и рабо- чий, размякший от еды и выпивки, усталый от криков, шума, хриплых шарманок, священных псалмов, спешит вернуться домой и заснуть мерт- вым сном после праздничного «отдыха».

«Вместо кладбища надо построить крематорий, на месте кладбища разбить парк. Парк с театром, кино и культурными развлечениями. Кладбища из места пьянки, разврата и разбоя должны пре- вратиться в места подлинного отдыха рабоче- го», — сказал нам комсомолец-рабочий железно- дорожных мастерских. Его слова — приговор мо- лодой окраины старому «отдыху».

* * *

Ранним утром в нашем доме на окраине варят, парят, жарят, отравляя дымом и чадом квартиру лестницу и двор. Совершается праздничное кухонное «таинство». Румянится тяжелое русское тесто с мясом, сагой, капустой, луком, рисом и рыбой. «Славна Русь щами да пирогами».

Целый день возится у плиты работница — наша мать, сестра, жена. От близости раскаленной плиты щеки покрываются багровым румянцем, пламенеет лицо.

Лишь поздно ночью кончает хозяйка кухонную уборку, мытье посуды, кастрюль и горшков и шатаясь, тяжело дыша добирается до подушки. Долго от усталости она не может заснуть...

В предпраздничные дни, а в особенности в дни получки, пивные и все близлежащие перекрестки кишат проститутками. Даже из окрестностей приезжают «гастролерши». Чужа добычу, они целыми стаями собираются у пивных, «семейных бань», ресторанов вроде «Звездочки», не давая проходу рабочим, особенно молодежи. К нашему стыду, они имеют своего постоянного потребителя. Здесь вы встретите и мастера с «Треугольника», и безусого подростка с «Путиловца», и чернорабочего с «Веретена»...

Проститутки и их «друзья» в эти дни буквально терроризируют весь район. На глазах у всех,

прямо на улицах, разыгрываются отвратительные, циничные сцены. Нередко все это кончается «мокрой» дракой и ограблением клиента. В результате часто от получки остается лишь сильная головная боль, разбитая физиономия и изорванная одежда.

— «Иди, Колька. Будь настоящим мужчиной», — уговаривают паренька товарищи, подтаскивая его к пьяной проститутке. И в вонючей, протухлой задней камерке пивной рабочий парень впервые знакомится с «половым вопросом».

Почему мы ходим в пивную? В большинстве случаев потому, что там уютнее и свободнее, чем дома.

— «Хочется побеседовать с приятелем, а дома грязно, дети, пеленки, ворчливая жена, ссоры в соседней комнате, шипение примуса», — объяснял нам свое частое посещение пивной рабочий «Пролетарского».

«Дома плохо, а на улице истуканом неудобно стоять. Ну, значит, дуй в пивную», — сказал нам рабочий из другого совсем района, с «Кр. Зари».

В пивной можно «отвести душу», свободно поболтать. Недаром пивная у Балтийского вокзала рабочими метко прозвана «Болтушкой». Поболтать сюда собираются рабочие, а попутно на столе появится бутылочка, затем вторая, полудюжинка, дюжина. . .

В клуб мы ходим главным образом на спектакли, и то при наличии бесплатного билета. В дни таких бесплатных постановок клуб набит до отказа. Не только негде яблоку упасть, но и не пошевелинуться. Несмотря на ужасную духоту, все с напряженным вниманием следят за разворачиванием драматического сюжета.

Клубное помещение в большинстве своем совершенно не приспособлено для ведения массовой работы. Наши клубные залы до смешного малы. Если в клубе членов 1000 человек, на прикрепленных предприятиях 3000 — 5000, то в лучшем случае можно вместить в зале рядового рабочего клуба 400 — 500 человек.

Даже клубы заводов-гигантов не могут похвастаться большими театральными помещениями. «Треугольник» имеет полтора десятка тысяч рабочих, — а зал — на 600 — 700 человек.

Настоящая оборудованная сцена — это роскошь. Таких клубов единицы.

Хорошие театральные кружки сжаты размером маленькой сцены, душного зала, бедной клубной сметы... и безрепертуарьем.

Да, да! Нет клубных пьес. В результате ставятся те же «Штиль», «Шторм», Любовь яровая», «Шлак», «Будни».

Несомненно, ниже качеством, чем в профессиональном театре.

А отсюда нарекания. «Зачем я буду смотреть свой драм-кружок, когда могу попасть в Гос-театр».

* * *

У стены заброшенного дома собралась «отдохнуть» молодежь. Уже 11 лет на монетах нет «орлов», а игра в «пристенок» до сих пор, по привычке, называется «орлянкой». Звенят медяки, ударяясь о стенку. Но вот на панели появляется подозрительная личность в потертом пальтишке и кэпке — блином. Он усаживается на тумбу, вытаскивает из кармана колоду карт. «За 20 — пятьдесят, за 50 — рубль», — кричит эта личность подобно заправскому клубному крупье.

К нему походкой в развалочку из-за угла подходит «червяк» (свой парень — обычно компаньон), который как бы принимает его вызов и усаживается играть. Червяк «выигрывает» к деланной досаде «крупье». Молодежь, заинтересованная игрой, собирается к тумбе. «Клюет».

Постепенно все ввязываются в игру, звенят деньги, которые, как правило, исчезают в карманах крупье. Много темного люда на нашей окраине, много паучья присосалось к нашим кварталам, а милиционеров мало, совсем мало. Жалко...

Уже давно последним трамваем вернулись из

города комсомольцы с культпохода в театр, уже давно расползся по своим конурам «клуб» у скамеечки, потухли огни пивных и ресторанов, разошлись по трущобам проститутки, — но по улице не мало бродит народу. Всех их мучит алкогольная жажда. Где бы достать выпивку?

У подъезда сидят сморщенные уродливые старухи с корзиночками в руках. Прямо к ним направляются непослушные ноги, ибо не совсем захмелела голова и помнит, что под булками, яблоками и ирисками лежит бутылка с огненной влагой. Вы порой ночью не сыщете ночного врача, вам 2 часа придется стучать в двери аптеки, но водку у шинкарей вы всегда достанете. И сколько угодно.

Шинкари засыпают последними. Они еще долго считают потертые пятаки, долго и внимательно рассматривают заложенные у них вещи...

* * *

+ В воскресенье мы любим ходить в гости.

С самого утра, всей семьей начинается это хождение. В гости мы ходим для того, чтобы, во-первых, выпить, во-вторых, закусить («завернуть»), в-третьих, — поиграть в «козла».

Других причин нет. Пойти запросто к приятелю, побеседовать, навестить больного, помочь одинокому — это у нас не практикуется.

В гостях мы проводим целый день. Сначала посидим у кума, затем у брата, свата, земляка, просто у товарища. Каждому визиту сопутствует серьезная закуска и не менее основательная выпивка; пока, наконец, отец семьи — мужчина, на каком-нибудь «этапе» не потеряет равновесие и способность рассуждать. Когда язык перестанет подчиняться его мозговым центрам и вместо речи он начинает бессмысленно мычать, заботливая жена нанимает извозчика и «грузит» на пролетку «живой груз». Дома нередко «труп» на минуту оживает, «благодарит» свою жену тяжелыми ударами и затем снова впадает в летаргическое состояние. На другой день несомненно «синий» понедельник.

Семья «отдохнула»...

* * *

— «Ребята, пойдем в ближайший сад», — предложили мы молодежи с «Большевика».

— «Чего хорошего в наших садах»? В саду Трудящихся, у «Пролетария» и в Апраксином парке, у «Большевика» делать нам нечего. Пошляешься, пошляешься и идешь со скуки в пивную. Вот в Нардоме, в Таврическом»... — ответил нам один из парней.

До Народного далеко, но мы сели веселой гурьбой в трамвай и быстро понеслись через город.

У входа в Нардом нас задержала людская пробка. Несколько касс не успевали пропускать всех желающих. Усиленно работая локтями, мы кое-как, с трудом, выбрались из «пробки» и, наконец, очутились в «саду». Можно ли вообще небольшую территорию Госнардома, обнесенную высоким деревянным забором, в которой тесно различным павильонам и аттракционам — назвать садом? Разве десяток чахлых деревьев, несколько клумб цветов дают право на громкое название «сад»? Сада Нардома не существует. Есть лишь пыльная площадка, по которой, бороздя пыль, плотными рядами, в затылок друг другу, взад и вперед, бродят несчастные посетители.

Атракционы скучны и стары. Все одно и то же, «до бесчувствия». Атракционы следовало бы обновить. А пока единственным развлечением отдыхающего молодняка является флирт, эстрада и пиво. «Флиртом» насквозь пропитана атмосфера «сада», грубым, циничным флиртом. Под звуки фокстрота Нардомовского «джаза» стаи уличных «фей» задевают прохожих, предлагая зайти выпить рядом в учреждение, именуемое «буфетом». «Буфет» помещается почти в середине сада и «мозолит» вам глаза, в каком бы конце сада вы ни были. Рядом с кооперативным лозунгом висят милые сердцу пьяниц яркие плакаты — «ПИВО».

Столики в этом «буфете» бронируются проститутками, которые здесь ловят себе «гостей». В разрез со всеми принятыми обычаями, не хозяйка угощает гостя, а, наоборот, «гость» щедро оплачивает чрезмерный аппетит «хозяйки». Много рабочих денег остается каждый праздник в этом «буфете», много наших ребят запомнят на всю жизнь «буфетных фей». Вместо веселья и радости, много горя и несчастий дает Нардом.

Мы подошли к эстраде. Безголосые певцы, скучные юмористы и куплетисты наводнили открытую сцену. Серенько и пошленько. Сальные куплеты и двусмысленные остроты. Все рассчитано не на воспитание массового зрителя, а на потаканье требованиям разнузданной улицы, а самые низменные чувства.

Хорошая живая газета — редкий гость на эстраде «коммерческого» сада. Ее допускают сюда только в Дни Красного Календаря. Не иначе.

Нет злободневного, интересного рабочему материала. Ориентировка на улицу вообще. Хотя рабочий и составляет 90% посетителей.

Единственный «оазис» — это библиотека-читальня. Игры, журналы, беседы, справочная работа. И не «по-казенному», а всерьез.

Зато и набита она до отказа.

Это наводит на мысль, что и в сугубо «ком-

мерческом» саду формы культурной работы вполне уместны.

Больше нужно живого, клубного, интересного и современного.

А вообще скучно.

— «Вали домой, братва!»

*

Да, мы не умеем отдыхать. В этом виноваты в большой степени мы сами. Праздничный день, воскресенье — для нас не день отдыха, а «проклятый день», в который мы устаем больше, чем когда либо.

*

Томительно долго засыпает окраина. Тяжелые кошмары проведенного дня не дают ей покоя. Долго мучают они усталое тело и утомленный мозг.

— «Завтра на работу! Как хорошо, что прошел день отдыха!» — с этой мыслью засыпают все.

И действительно, что бы мы делали, как ужасно мы уставали бы, если дни отдыха были часты. Мы не научились еще пользоваться жизнью, не научились культурно отдыхать и развлекаться.

В нашем быту есть уже и много хорошего, послеоктябрьского, подлинно революционного, но все это новое каким-то причудливым образом уживается с отвратительным старым. Чудесное «сегодня» перемешивается с затхлым «вчера».

*«Кожаная тужурка на нем
и билет в кармане, и в глаза
смотрит правдиво, и говорит
умно, а вот взглянешь во
внутрь и увидишь, что растет
порядочная сволоочь».*

Н. И. Бухарин.

А НЕ МЕЩАНИН ЛИ ТЫ, ТОВАРИЩ?

На сотню вопросов «что такое мещанство» можно получить пожалуй только два-три правильных ответа. Не больше.

— Нет более путаного слова, чем «мещанин» — единодушно заявляют ваши собеседники, к которым вы обращаетесь с этим вопросом. Каждый по-своему понимает это слово, каждый вкладывает в него особое внутреннее содержание. Характерно, что ответы в большинстве случаев противоречивы, а подчас и взаимно исключают друг друга. Создается впечатление, что слово «мещанин» родилось из хаоса и представляет собой то гуттаперчевое «словцо», которым можно пользоваться как угодно.

Отсюда все качества.

Один определяет мещанство как «преклонение перед материальными остатками капиталистической культуры», другой — как «замыкание в узкий круг личных интересов», третий — как «волевою расхлябанность», а четвертый более просто, но не менее определенно заявляет, что мещанством называется все то, что не следует делать комсомольцу и коммунару, и что не предусмотрено их уставом.

— «Прошу вас как отца родного дать ответ: может ли комсомолка носить косы и не будет ли это мещанство, — пишет комсомолка из далекой

Курской губернии редактору «Комсомольской Правды».

— Секретарь нашей комсомольской ячейки Мишка Кравцев не дает мне жить. Он говорит, что коса — *тормоз* в нашей работе».

Мы представляем себе несчастную девушку, которая, едва сдерживая слезы, дрожащей рукой выводит витиеватые буквы, чтобы разрешить «проклятый вопрос».

— «Действительно ли коса является тормозом в нашей работе?»

Маленьким кулачком она размазывает слезы по своему хорошенькому личику.

— «Ах как жалко косы!»

* * *

От Курска до Ленинграда далеко. Сотни верст и тысячи телеграфных столбов отделяют нас от комсомолки с косами. Но «Мишек Кравцевых» и у нас не мало. За «Мишкой Кравцевым» не нужно ехать в Курск, ибо их мы встречаем ежедневно — всюду: в цеху, коллективе, в клубе, в нарпитовской столовой. Мы каждый день с ними беседуем, крепко жмем на прощание «лапу», считаем их своими друзьями — простецкими и «выдержанными» ребятами.

Будем откровенны.

Более того, кусочки «Мишек Кравцевых» си-

дят и внутри каждого из нас. Разве мы вместе с «Мишкой» не любим крылатое словечко «мещанство», хотя оно и непонятно и путанно? Любим щегольнуть им, любим жонглировать, приклеивать ярлычок этот когда нужно и не нужно.

— Смотри, мол, мы какие. Стопроцентные...

* * *

— Меня травят ребята за то, что я делаю сбережения и после каждой полочки толику денег несу в сберкассу. Близкие товарищи отшатнулись от меня и называют меня скрягой, Плюшкиным, Кашеем. Я не могу растолковать им, что деньги нужны мне не ради самих денег, а для покупки кое-какой мебели и бельишка. Ведь нельзя же жить по свински, спать на грязном тюфяке, ходить в латаной и грязной рубаше. Нам, комсомольцам, нужно быть в первую очередь культурными людьми — пишет нам молодой рабочий с «Металлического». Но моим товарищам этого не понять — продолжает грустно он. Они попрекают меня, обвиняют в мещанстве. Мой лучший приятель, сосед по станку, недавно со злобой заявил мне, «гнать надо таких из комсомола». Неужели из-за того, что я приобрету себе несколько стульев, пару новых кальсон, я недостоин комсомольского билета. Неужели от этого пострадает революция? — с горечью заканчивает он.

— Комсомолка Н живет как кисейная барышня, — читаем мы в заявлении одного парня на бюро цехячейки. — На окнах у нее занавесочки, на стенах карточки кино-артистов, корзиночки, вазочки, на диване подушечки, салфетки вязаные и прочая «рухлядь». Словом одно мещанство.

Цехячейка должна обратить внимание на это — негодует автор заявления.

— Раньше Володька был «своим» парнем. Бывало придешь к нему — двери на распашку. Сейчас же после того как повысили его в разряде и он отремонтировал свою комнату, прямо не узнать парня. «Осторожнее, не сломай», «не ложись на кровать» и т. д. Уют засасывает ребят. Омещанился парень...

— Может ли молодая девушка носить золотое кольцо? Неужели если я надену кольцо, то сразу же из работниц превращусь в барыньку-мещанку? Ведь носят же люди золотые зубы, а никому не приходит в голову называть их мещанами.

— Говорят, что я «хорошенькая». Во всяком случае за мной многие ребята ухаживают. В этом-то и есть мое несчастье, ибо ухаживание они понимают своеобразно. Один ущипнет, другой больно хлопнет по плечу и т. п. На мои протесты я слышу смех и ответ — «Барышня-мещанка». Так ли это? Может я не права?

— Я думаю, что жениться рабочему парню-комсомольцу не следует. Женитьба отрывает как правило человека от общественности, делает его мещанином. Женившись, парень становится, как говорится, «семьянином», одевает туфли и погрязает в домашних мелочах. А эти мелочи-то и губят человека. Семейный очаг делает человека мещанином.

На лекциях по бытовым вопросам мы были завалены грудой записок:

— Правда ли, что танцевать фокстрот — мещанство?

— Если комсомолка и комсомолец любят друг друга — то могут ли они целоваться? Не будет ли это мещанством? — вопрошает любопытная влюбленная пара.

Много «Мишек Кравцевых» среди нас. Разве агитпроп, запрещающий танцевать, парень, обвиняющий своего приятеля в сбережении денег на покупку белья и мебели, ретивый комсомолец, бросающий упрек девушке в мещанстве из-за домашнего уюта и диванных подушечек, — разве они не «Мишки Кравцевы»!

«Мишка Кравцев» — многолик и вездесущ. Мишка — всюду. От «Мишек Кравцевых» нет сейчас отбоя. Это они мнят себя комсомольскими законодателями, великими моралистами.

Своей ублюдочной философией они цепко опутывают молодежь и держат ее в страхе. Посмей

только не понравиться Мишке Кравцеву и твое существование на белом свете будет безапелляционно признано излишним, даже вредным, а сам ты окажешься... тормозом нашей работы.

Факты — упрямая вещь. И вот эти «упрямые» факты красноречиво говорят о том, как просто, схематично и трафаретно подходим мы к нашей жизни, нашему быту, к определению «мещанство».

Сознание часто заменяется догмой: «комсомолки не должны носить косы, кольца, иметь чистые занавески, целоваться с парнем».

Трепещите, комсомолки и комсомольцы! — Ярлыки с «мещанством» не печатаются на ротационных машинах. Способ их изготовления более прост. Помните, что ваш «уклон» с корнем будет искореняться — бытовым реформатором — *«Мишкой Кравцевым»*.

Отсюда боязнь прослыть мещанином, филистером, шляпой, валеным сапогом, буржуем (все это синонимы?) боязнь стать посмешищем для окружающих товарищей и приятелей. Эта же боязнь заставляет молодежь искать «истинных путей жизни», следовать «новым нормам поведения», стремиться стать «настоящими людьми».

— Можно ли из 20-летнего мещанина сделаться не мещанином и каким образом? — задает вопрос молодой рабочий с приклеенным уже ярлыком

и «кравцевской» пломбой. Он чувствует себя уже потерянным, заклеянным, но в нем все же таится надежда стать «не мещанином». Каким образом?..

* * *

Вместе с тем понятие мещанство не представляет собой ничего трудного и запутанного.

Мещанство — это идеология мелкого товаропроизводителя, мелкого собственника... Короче говоря это идеология мелких людишек, имеющих слабое, вернее совсем не имеющих представления о законах общественного развития, не понимающих закономерности и содержания общественной жизни, соотношения между личным и общественным.

Характерным и отличительным для мещанина является то, что он не может увязать свое «я» с обществом. Личное с общественным. Здесь неизбежны «ножницы». Личные и общественные элементы для мещанина существуют изолированно, без всякой взаимной связи. Положение изолированного мелкого собственника отражается и на его идеологии. Мещанин органически не может слиться с коллективом. Его кругозор ограничен и резко очерчен четырьмя стенами его мастерской, его лавочки и его квартиры.

Здесь он чувствует себя хозяином. Он целиком

заполняет свои владения, он безраздельно господствует над ними.

Мещанин живет в узком мире своих личных переживаний, а отсюда мещанин является узким индивидуалистом, замкнут в футляр своего личного эгоизма. В центре всех интересов мещанина стоит только личное «Я».

Мещанин поклоняется только себе, только себя он боготворит. Он не любит волнений, неожиданных встрясок, потрясений. К встряскам относится и революция. Вот потому-то мещанин против революции. Ну а если революция произошла, коснувшись и его своей волной, он как курица отряхивается, сбрасывает капли, попавшие и на него, и быстро приспособляется, одевается в красную тогу и бьет себя в грудь кулаком — и мы кровь проливали — «за что боролись, братишечки!»

Но вместе с тем, мещанин познается не отношением к вещам (коса, занавесочка, чистые кальсоны, фетровая шляпа), а к человеку и прежде всего к обществу.

Отношение мещанина к обществу можно охарактеризовать пословицей: «моя хата с краю». Он безразличен к общественным явлениям. Общественная жизнь его интересует только с точки зрения личных выгод.

«Не зевай!» вторая и основная заповедь мещана-

нина. Общественное положение между людьми мещанин воспринимает как иерархическую лестницу, где все люди сидят по ранжиру. Мещанин не замечает «рядовых жизни», его взор сосредоточивается исключительно на верхних ступеньках. — «Ешь глазами начальство» — житейское правило мещанина. Для угоды начальству мещанин готов разбиться в лепешку.

Он готов лебезить, сплетничать, шпионить. Когда начальству нужны деньги, мещанин подчищает бухгалтерские книги. Начальству нужны женщины, он вталкивает в его кабинет молоденькую мещаночку, для которой быть вблизи начальства — отражать на себе его «солнечные лучи» — счастье.

У мещанина нет принципа. Вернее, его принцип — беспринципность.

Вот почему свежий воздух самокритики вреден для мещанина. Вот почему газета для него — инквизиторское ложе, а рабкоровский карандаш — раскаленный шпицрутен. От самокритики мещанин приходит в уныние, чувствует головную боль и перебои в пищеварении.

— Зачем выносить сор из избы — обычно говорит мещанин.

— Свои люди, сочтемся, — уговаривает он недовольных.

На все злоупотребления он реагирует одной фразой:

— «Я ничего не вижу, ничего не слышу», — и закрывает один глаз.

Но если посмотреть еще глубже, то мещанин считается и с «общественным мнением». — «Что скажет княгиня Мария Алексеевна — классическое изречение мещанства. Мещанин не прочь сделать любую гадость, лишь бы об этом никто не узнал «в тихую». — «И невинность соблюсти, и капитал нажить», — альфа и омега правил общественного поведения мещанина.

Мещанство представляет собой опасное явление, тяжелую болезнь в нашем быту, да и очень заразную к тому же. Живя между нами, мещанин распространяет вокруг свою омерзительную заразу. Психология мещанства противно-липкой жижей обволакивает наш быт. Разве мало среди нас хороших ребят, которые «сдрейфили» и «зацепились» ногами за мещанство.

Разве мало у нас советских чиновников, мало выдвиженцев, наконец, мещан с комсомольским или партийным билетом в кармане, которые не уступают махровому мещанину в ненависти к самокритике, в преследовании рабкоров, прикрытии начальства и пр.

Опасность мещанства велика и следует все время быть на чеку.

Возьмем отношение мещанина к женщине. — «Курица не птица — баба не человек», — слышим мы до сих пор от очень многих. Небрежное, эгоистическое отношение к женщине свойственно мещанину, любящему только себя и считающемуся только с собой.

— У меня система конвеера. Не могу с одной долго гулять», — приходится часто слышать даже от безусых мальчишек.

— «Баб много, хоть пруд пруди. А вот мы — дефицитный товар» — хвастливо продолжают они.

— Главное — осторожность. Чтоб все было шито-крыто! — вот в чем главная забота этих, простите за выражение, молодых людей.

Исковеркать жизнь женщины, соблазнить девушку с тайной мыслью — через день бросить ее — это не встречает никакого отпора с нашей стороны. Наоборот, чем циничнее парень поступит с девушкой, тем большее уважение он заслуживает у своих приятелей — «Молодчина. Он маху не даст! — с восхищением отзываются они.

В Москве один комсомолец долго обхаживал девушку-комсомолку. Она же ставила условием совместной жизни регистрацию в ЗАГСе. Наконец, поддавшись уговорам и его обещаниям оформить брак, девушка перебралась к нему на квартиру.

Парень, таким образом, добился своего и сразу же на второй день, утром, потребовал, чтоб она ушла от него. Она отказывалась. Он позвал милиционера и выставил ее за дверь. . . — так беспристрастно сообщает «Комсомольская Правда». Так мещанин срывает «цветок наслаждения».

За маской мещанина, порой «своего» парня, скрывается лицо зверя.

Мещанин любит профарисейничать. Он любит, закатив глаза, поговорить, а иногда и покричать о нравственности, морали и прочей «высокой материи», бесцеремонно залезть в чужую душу и испачкать ее своими грязными лапами.

— В Облимовской ячейке Шахтинского района комсомолец и комсомолка понравились друг другу. Они вместе работали, часто встречались, спорили. . . Есть ли в этом что-нибудь плохое? — И вот Облимовские комсомольские «вожди» нашли в этом нарушение «комсомольской этики». Облимовская мораль посрамлена. И эти блюстители «нравственности» быстро организуют из таких же мещан «Нат Пинкертонов» и дают задание — выследить. . . Доморощенные Пинкертоны ничего не находят. Нет греха.

Нет? Тогда моралисты решили пришить дело! В один прекрасный день комсомолка была вызвана на бюро, где за столом сидело 8 активистов.

— Давно ли ты с ним возишься? — Любишь

ли ты его? — Имела ли с кем-нибудь половые сношения до него? — градом вопросов засыпали ее «судьи».

Представьте себе положение девушки! Представьте себе, что она перенесла во время этого допроса!

Если вас интересует приговор этого «суда», то мы можем сообщить, что после часового совещания было решено: «Комсомолку N за проституцию из комсомола исключить».

Нужны ли комментарии?

Вместе с тем мещанин не любит, не терпит никакого протеста и обрушивается на тех, кто не хочет потакать его желаниям, кто смеет ему противоречить.

— «Помогите! Меня изводят за то, что я ни с кем не живу. Как быть? Помогите, я на грани самоубийства» — пишет одна девушка в редакцию провинциальной газеты. Таких писем мы имеем немало. А сколько девушек, страшась шума и позора, молчат?

Мещанин — враг товарищеских отношений. Товарищество он понимает по-своему, очень своеобразно. — Свой своего покрывает! — его типичная бандитского характера формулировка товарищества.

В отношении «чужих» он безразличен, тогда как в отношении «своих» придерживается пра-

вил — «Ну, как не порадеть родному человечку». Ради «родного человечка» он готов прикрыть пьянку, растрату, прямую уголовщину.

Секретарь комсомольского коллектива з-да «Кооператор» упорно не выдавал «своих» ребят в знаменитом Чубаровском деле...

— «Чтоб я выдал товарища?! Будь подлец, никогда!»

Это определяет отношение мещанина к товарищу.

Особенно ярко он показывает свое лицо на работе, на заводе, в цеху. Комсомолец с завода «Красный Профинтерн» пишет — «что брак по недосмотру, прогулы без всяких причин — обычное явление среди комсомольцев литейного цеха. Брак достигает 30 — 40%».

— «А нам-то что? работаем поденно и свое получаем. Вот если б сдельщина», — заявили ребята.

— «Брак нас не касается, это дело администрации, — последовал второй ответ на вопрос о причинах брака.

На другом большом заводе, кирпичные трубы которого своим дымом застилают край ленинградского неба, ребята комсомольцы крайне небрежно относятся к своим инструментам и станкам. На замечание мастера последовал поистине классический в наши дни ответ:

— «Станки-то ведь не наши». — Отсюда один шаг, полшага до того, чтоб сказать — и фабрики не наши, и страна не наша и т. д. и легко, ой как легко скатиться вниз.

Вот тут-то и следует поставить точку над «и» и следует сказать, что это теория безверия в наше дело, в нашу борьбу, в нашу великую социалистическую стройку.

Если бы этот паренек верил в наши достижения, в нашу победу, в наши дела, то он конечно бы не сказал, что «станки не наши».

Мещанин не видит, да и не хочет видеть классовой борьбы в каждом вновь отремонтированном станке, новой гайке, новом винтике. Он не слышит поступи революции, он не чувствует себя частью коллектива. Он смотрит на завод, фабрику, станок как на неизбежное зло. Это — работа — дает ему возможность получать два раза в месяц зарплату, а больше... больше ему ничего не надо. — Работа не волк, в лес не убежит!

Вот почему нужна самая упорная борьба с этими мещанами типа Быкова с фабрики «Скороход», — этого рвача и бандита, стрелявшего в мастера своей фабрики.

— «Разве классовая борьба в эпоху перехода к социализму не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего класса от тех горсток, групп,

слоев рабочих, которые упорно держатся традиции, привычек капитализма и продолжают смотреть на советское государство попрежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже,—содрать «с него» денег побольше?

Разве мало таких мерзавцев хотя бы среди наборщиков советских типографий, среди сормовских и путиловских рабочих и т. д.? Скольких из них мы поймали, скольких изобличили, скольких пригвоздили к позорному столбу?»... (Ленин, т. XV, стр. 419.)

Каждая фабрика, каждый завод, должны вылавливать этих дезертиров производства, на их примерах учить всю рабочую молодежь, как нельзя работать, как нельзя расценивать свой труд на собственной фабрике.

В настоящее время мещанин представляет самого страшного и самого грязного врага среди нас. Этот враг еще страшен и тем, что *он сидит внутри нас самих.*

И это усложняет нашу борьбу. Этот враг ползет тихой сапой, он невидим, он проползает в мозги слабых и неустойчивых. Он подтачивает людей, попутно пользуясь реакционной силой бытовых привычек и традиций. Особенно обильную жатву он собирает среди рабочей молодежи, точнее среди той части молодежи, которая не прошла еще школы гражданской войны, не прокопtilась

в заводском дыму, не выварилась в производственном котле.

Борьба за молодежь является борьбой с мещанством. Культурная революция — это борьба за нового человека, борьба со старыми вековыми традициями, язвами старого быта, беспощадная борьба с мещанством.

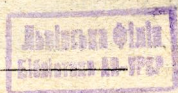
На этот участок фронта должны быть брошены все силы. Все мы должны стать культармейцами и вести борьбу по двум направлениям: бороться с мещанством среди своих товарищей, среди окружающих тебя людей, бороться со своими собственными мещанскими привычками и поступками. В каждом конкретном случае мы не должны бояться бичевать своих близких и самого себя. В особенности последнее.

Мы должны быть строгими и требовательными в отношении самого себя. В этом залог успеха, в этом наша победа. Пусть каждый из нас задаст своему другу, приятелю, товарищу прямой вопрос (не в бровь, а прямо в глаз):

— А не мещанин ли ты, товарищ?

И, получив ответ, в свою очередь спросит его:

— А Я не мещанин, товарищ?

О Г Л А В Л Е Н И Е

	СТР.
Культурная революция и мелочи жизни	3
Несколько слов о „шамовке“	9
Избушка на курьих ножках	21
Крик моды или вопль фабзайчонка	33
Люди в „воздушных майках“	47
Как мы отдыхаем?	61
А не мещанин ли ты, товарищ?	81

1 крб.

рл 2320

Зруд 94 кон (1986)

